

Seating Capacity 78
Tare Weight 40.2t
Loading Capacity 9.2t
Total Length 21.2m

DC48V E

Taillight

Taillight Socket

Taillight

ector

adidas

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Научная конференция

**«АФРИКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИГРАЦИОННОМ ПОТОКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Москва, 23 сентября 2020 г.

Сборник тезисов и докладов

**Москва
ИАфр РАН
2020**

Под редакцией
к.полит.н. С.В. Костелянца

Составитель:
Д.А. Туряница

На обложке:
Танзамская железная дорога, Объединенная Республика Танзания
(фотография @indaressalaam)

© Институт Африки РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ТЕЗИСЫ	6
Раздел 1. Африканская диаспора в пространстве и времени	6
<i>Хохолькова Н.Е.</i> «Новая африканская диаспора» в США: репрезентации паттернов транскультурной идентичности в виртуальном пространстве. . 6	
<i>Дейч. Т.Л.</i> Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса	9
<i>Кулькова. О.С.</i> Африканская диаспора в ЕС: дилеммы и перспективы в условиях пандемии COVID-19	11
<i>Гусаров В.И.</i> Африканские мигранты в Европе – от Кротоне в Италии до Рованиеми в Финляндии	14
<i>Костелянец С.В.</i> Эволюция африканской диаспоры в Новом Свете	16
Раздел 2. Миграция: социально-экономический дискурс	18
<i>Садовская Л.М.</i> Миграция – шанс для Африки.....	18
<i>Маценко И.Б.</i> Трудовая миграция и рынок труда в Африке	21
<i>Морозенская Е.В.</i> Роль трудовой миграции в продвижении региональной экономической интеграции государств Субсахарской Африки	23
<i>Прокопенко Л.Я.</i> Рост китайской трудовой миграции в Замбию как следствие притока инвестиционного капитала.....	25
<i>Рыбалкина Н.Г.</i> Отношение к трудовым мигрантам в принимающих сообществах.....	27
<i>Банищикова А.А., Иванченко О.В.</i> Трудовая миграция и современное рабство в странах Ближнего Востока как фактор взаимоотношений между арабо- и афротанзанийцами	30
<i>Гаврилова Н.Г.</i> Скотоводческие миграции в Африке как фактор социально-экономической дестабилизации	32
<i>Константинова О.В.</i> Как миграция может повлиять на экономику Африки	34
Раздел 3. Северная Африка и Африканский Рог на перекрестке миграций	36
<i>Крылова Н.Л.</i> Россия – Африка – Франция: эмигрантская семья в поисках прибежища	36
<i>Ткаченко К.А.</i> Миграционные процессы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: где решение проблемы/решаема ли проблема в принципе?	38

<i>Матросов В.А.</i> Племенная «федерация» как исторический инструмент социальной инкорпорации иммигрантов: кейс ал-‘авакир	40
<i>Саенко А.В.</i> Ливия как перевалочный пункт мигрантов в Европу в эпоху современности	42
<i>Мильто А.В.</i> Кочевники поневоле: особенности сомалийской миграции	45
<i>Шалупкин В.В.</i> Французская политика наёмничества как потенциальный фактор миграции из Африки в Латинскую Америку на примере Суданского экспедиционного корпуса	47
Раздел 4. Феномен миграции в Субсахарской Африке	49
<i>Андреева Л.А.</i> Религиозный конфликт в зоне Сахеля как триггер миграции из стран Тропической Африки в Европу	49
<i>Денисова Т.С.</i> Нигерийская диаспора в Южном Камеруне: история формирования и современное состояние	52
<i>Львова Э.С.</i> Греческие общины в Эфиопии и Танзании	55
<i>Деев А.А.</i> «Открытие» Африки Турецкой Республикой: студенческая миграция из стран Африки южнее Сахары (2013-2020 гг.)	58
<i>Халитова А.Р.</i> New approaches for refugee policy in Uganda: from humanitarian response to long-term development.....	60
<i>Калиниченко Л.Н.</i> Миграционная политика Маврикия на современном этапе.....	62
<i>Затолюкина Л.О.</i> Миграционные процессы в Эфиопии: история и современность	64
<i>Гришина Н.В.</i> Некоторые аспекты миграции из африканских стран в ЮАР	66
<i>Скубко Ю.С.</i> ЮАР: неконтролируемая трансграничная миграция «разгоняет» коронавирусную пандемию.....	68
ЧАСТЬ 2. ДОКЛАДЫ	70
<i>Гусаров В.И.</i> Африканские мигранты в Европе – от Кротоне в Италии до Рованиеми в Финляндии	70
<i>Маценко И.Б.</i> Трудовая миграция и рынок труда в Африке	79
<i>Гришина Н.В.</i> Некоторые аспекты миграции из африканских стран в ЮАР	84

ЧАСТЬ 1. ТЕЗИСЫ

РАЗДЕЛ 1. АФРИКАНСКАЯ ДИАСПОРА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Хохолькова Надежда Евгеньевна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

khokholkova@gmail.com

«Новая африканская диаспора» в США: репрезентации паттернов транскультурной идентичности в виртуальном пространстве¹

В начале XXI в. историки, антропологи, социологи и культурологи все чаще стали говорить о «глобальной Африке». Континент, сущность которого формировалась под влиянием внешних и внутренних миграционных движений, начал преодолевать границы своей географической реальности. Волна эмиграции африканцев, вновь поднявшаяся на исходе XX в., способствовала появлению «новой африканской диаспоры». Часть ее членов успешно освоила виртуальное пространство, не только создав в его рамках новые сообщества, но и заявив о принципиально иных паттернах транскультурной идентичности.

Согласно определению Комиссии Африканского союза, категория «африканская диаспора» объединяет «людей африканского происхождения, живущих за пределами континента, вне зависимости от их гражданства и национальности...»². Данная дефиниция условна. Социокультурный опыт мигрантов различен, что обусловило необходимость выделения и изучения конкретных групп внутри глобальной африканской диаспоры. Они могут формироваться в соответствии с хронологическими, региональными,

¹ Материалы подготовлены при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00075 А ««Черное наследие»: историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США».

² Diaspora and Civil Society Engagement. African Union. URL: <https://au.int/en/diaspora-civil-society-engagement>

социально-экономическими или иными критериями. Одним из наиболее универсальных и распространенных стало деление африканской диаспоры на «старую» и «новую».

Известный историк нигерийского происхождения, профессор Техасского университета в Остине, Тойин Фалола (родился в 1953 г.) утверждал, что «старая африканская диаспора», сформировалась в ходе трансатлантической работорговли, а «новая» – в результате добровольных индивидуальных миграций, совершенных африканцами во второй половине XX – начале XXI вв.³

По сравнению со «старой африканской диаспорой» «новая» выглядит более гетерогенной и включает в себя людей самых разных статусов: политических беженцев, нелегальных мигрантов, студентов, востребованных профессионалов, представителей «креативного класса». Она является постколониальной не только потому, что объединяет выходцев из независимых государств Тропической Африки (Нигерии, Ганы, Либерии, Сьерра-Леоне и др.), но в силу того, что внутри нее выделился особый сегмент представителей «третьего пространства» – тех, кто рожден в смешанных браках, чьи семьи многократно мигрировали. Членов «новой африканской диаспоры» зачастую отличает высокий уровень образования, профессионализм, целеустремленность, пассионарность, транскulturность, а также стремление к наррации – репрезентации опыта и идентичности во всех доступных формах.

Для всех представителей диаспоры неизменно актуальной оставалась проблема культурной идентичности – осознания принадлежности к конкретной группе и возможности использования и трансляции определенных культурных кодов. В условиях глобализации и гибридизации культурных пространств она стала восприниматься еще острее. Постепенно дуальные, множественные и флюидные идентичности становились все более

³ Falola T. The African Diaspora: Slavery, Modernity, and Globalization. N.Y.: University of Rochester Press, 2013. 454 p.

распространенными, в том числе среди африканцев. Цифровой поворот оказал влияние на трансформации идентичности, породив новый импульс к конструированию ее паттернов.

Дейч Татьяна Лазаревна, д.и.н., в.н.с.

Институт Африки РАН

tdeich@yandex.ru

Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса

За последнее десятилетие приток африканских мигрантов в Китай заметно вырос. Больше всего африканцев – в Гуанчжоу, третьем по величине городе Китая после Шанхая и Пекина, столице провинции Гуандун, известной как мировая фабрика. Освоение африканцами Гуанчжоу началось в 2003-2008 гг. и, по некоторым оценкам, их число достигло примерно 200 тыс. человек. Большинство прибыло из Западной Африки: Нигерии (один из пяти мигрантов – нигериец), Ганы, Мали, Гвинеи, Сенегала, Нигера, Камеруна. Свыше 60% – бизнесмены и торговцы, 23% – студенты. Особую группу составляют профессионалы, прибывшие из диаспор других стран мира, а также официальные представители стран Африки. Многие, особенно торговцы, постоянно приезжают и уезжают. Лишь чуть более 20% остаются на срок от одного до трех лет. Мигранты – источник денежных переводов в страны исхода, и суммы переводов постоянно растут, что помогает выжить их семьям, построить дом или начать бизнес. Китайское правительство в целом проявляет лояльность в отношении мигрантов. Однако мигранты испытывают трудности в получении и продлении виз. Визовые сложности порождают рост числа «нелегалов поневоле». Для проверки паспортов в Гуанчжоу останавливают и нередко арестовывают в первую очередь именно африканцев. В других городах, например, в Иу, где мигранты – в основном выходцы из стран Магриба, иммигрантская служба более лояльна, и гражданские права мигрантов находятся под большей защитой. Проявления расизма и дискриминации имеют место и на бытовом уровне. Разница в культуре, образе жизни часто приводит к недопониманию и враждебности.

«Катализатором» недовольства африканских мигрантов стала пандемия коронавируса, с которой столкнулся Китай. Достаточно серьезные инциденты расового характера, мишенью которых стали африканцы, произошли в разгар пандемии в Гуанчжоу. По распоряжению китайских властей медицинские бригады провели поголовное тестирование африканцев на вирус. В результате, по словам руководителей местной африканской общины, большинство африканцев оказалось в карантине или на улице, поскольку хозяева занимаемых ими жилищ предложили их покинуть, опасаясь страха заразиться. Африканцы жаловались на «коронавирусную дискриминацию» и расизм, обвиняя власти в том, что их приносят в жертву стремлению сохранить здоровье китайскому населению. Африканцы Гуанчжоу организовали группы в социальных сетях, где поместили фото людей, спящих на улице, и результаты тестов, свидетельствующие, что они не заражены. Китайское правительство опровергает слухи о расизме, настаивая на том, что все последние годы африканцы в Гуанчжоу встречали лояльное отношение и успешно сотрудничали с местным населением. Власти Гуанчжоу открыли «горячую линию», куда могут обращаться иностранцы, испытывающие дискриминацию. Китайское правительство опровергает слухи о расизме и настаивает на том, что китайцы и африканцы – партнеры и братья и толерантны к расизму.

Кулькова Ольга Сергеевна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

kulkova-olga@yandex.ru

Африканская диаспора в ЕС: дилеммы и перспективы в условиях пандемии COVID-19

Осенью 2019 г. Программа развития ООН (ПРООН) представила общественности новое исследование «Преодолевая барьеры»¹, посвященное причинам миграции африканцев в Европу и основанное на опросах, проведенных в 13 странах Европы среди 1970 мигрантов из 39 африканских стран. Оно показало неожиданные результаты: все опрошенные решили переправиться в Европу нелегально, но не с целью защиты от преследований и даже не всегда с целью найти работу или выбраться из бедности. 58% перед миграцией из родных стран либо учились, либо работали и неплохо зарабатывали, были более образованы, чем их «собратья». Однако им всё равно хотелось «лучшей жизни».

Молодые африканцы стремятся попасть в Европу из-за неравномерности глобального развития – зачастую его темпы на родине кажутся ими недостаточно быстрыми. Они жалуются на ограниченные возможности и отсутствие выбора.

Новые данные ПРООН говорят о необходимости расширять возможности людей в африканских странах и помогать им воспользоваться законными путями миграции.

Кроме того, важной причиной миграции африканцев в Европу является растущий демографический разрыв между населением Африки и стран Европы. Население развитых стран Европы стареет, в то время как в африканских странах – высокая рождаемость и быстрый рост числа жителей.

¹ URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/10/1365341>

Сейчас в Африке живет около 1,3 млрд человек, а к 2050 г. ожидается уже 2,4 млрд. В то же время, сейчас совокупное население ЕС составляет 510 млн человек. Согласно прогнозам, к 2050 г. оно снизится до 450 млн. человек.

Африканская диаспора в странах ЕС многочисленна и разнопланова. В странах Европы живут африканские мигранты не только в первом, но и во втором, третьем, четвертом поколениях. Соответственно, их судьбы и жизненные проблемы различны в зависимости от времени приезда в Европу, действовавшего на тот момент законодательства, международной обстановки и их легального статуса.

Миграционный кризис 2015 г. в Евросоюзе и его осмысление породили новые дилеммы – не только для внутривнутриполитической повестки дня Союза, но и для его внешнеполитической стратегии, прежде всего, в отношении взаимодействия с африканским континентом.

А в условиях пандемии обращение с африканскими беженцами и мигрантами в Европе приобрело новые и неожиданные черты. Границы европейских стран остаются закрытыми, и они стремятся максимально защититься от новых мигрантов. Это вызывает неоднозначную реакцию в мире. В июне 2020 г. Международная организация по миграции настоятельно рекомендовала странам ЕС во время пандемии не отгораживаться от мигрантов – не сооружать пограничные стены, а также отказаться от практики привлечения военных к пограничному патрулированию, приостановить принудительную депортацию мигрантов и разрешать только их добровольное возвращение при условии обеспечения безопасности людей.

В некоторых странах, таких как Германия и Франция, нелегальным мигрантам предложили ускоренный путь к легализации их статуса, поскольку стала очевидной трудность сдерживания вируса среди лиц без документов. ЕС также прекратил свои поисково-спасательные операции в Средиземном море, вместо этого полагаясь на наблюдение с воздуха и

ливийскую береговую охрану, чтобы заблокировать проникновение мигрантов.

Вместе с тем пандемия высветила для европейских правительств значимость вклада низкоквалифицированных рабочих – многие из которых являются африканскими мигрантами – в их экономики. Многие африканцы в ЕС также потеряли работу из-за сокращения экономики и рынков труда из-за осложнений COVID-19, из-за чего, по данным генерального секретаря ООН, ожидается, что за 2020 г. денежные переводы мигрантов сократятся на 23%².

Миграционный вопрос остается давним и одним из самых сложных «каменей преткновения» в отношениях ЕС и Африки. Ситуация пандемии придала ему новую остроту и актуальность.

² URL: <https://ipatc.joburg/105-the-impact-of-covid-19-on-africa-european-union-eu-migration>

Гусаров Владилен Иванович, академик РАН, д.г.н., в.н.с.

Институт Африки РАН

vladilen.gusarov@yandex.ru

Африканские мигранты в Европе – от Кротоне в Италии до Рованиеми в Финляндии

До начала 60-х годов истекшего XX в. большинство африканских стран находилось в колониальной зависимости от европейских метрополий. Поэтому перемещение африканцев по континенту считалось переездом их в другую колонию, а в Европу – поездкой в свою или соседнюю метрополию. Немаловажное значение имел фактор языка. После достижения независимости странами-колониями африканцы устремились в свои бывшие метрополии уже на правах мигрантов. Постепенно их число быстро нарастало.

Основную роль в приеме африканских легальных и нелегальных мигрантов играет Италия из-за своей географической близости к Африке. За ней следуют Испания и Греция. Большинство из них прибывает морем на побережья Калабрии и Сицилии, не имеет легального статуса и надеется получить его в специальных лагерях по приему беженцев и мигрантов.

Калабрия – самая южная провинция Италии, а лагерь в Кротоне – крупнейший в числе других, построенных здесь. Уже на подъезде к железнодорожному вокзалу Кротоне пассажиры из окон своих вагонов могут видеть группы африканцев, стремящихся попасть в поезда, отправляющиеся на север в сторону Милана. Определить по внешнему виду, попали эти африканцы прямо с побережья или высланы из лагерей по приему беженцев, невозможно.

Но далеко не все африканские мигранты остаются в Италии. Многие стремятся уехать дальше, на север континента.

При этом следует учитывать, что в дальний путь в Европу отправляются не выходцы из беднейших слоев, а те, кто каким-то образом смог собрать средства на авиабилеты для себя и членов семьи, работая в основном в торговле или в сельском хозяйстве. Более состоятельным гражданам уезжать никуда не надо, поскольку им и так хорошо живется в своих странах. Они, как правило, имеют образование и стабильный доход.

В любом случае выходцы из стран Африки неизбежно несли и несут с собой в Европу нравы, обычаи, отношение к труду, жизненные уклады, мировосприятие и миропонимание из своих стран, с первых же шагов пребывания в Европе неизбежно вступая в конфликт с местной окружающей их теперь действительностью.

Но принципиальные конфликты начинаются позже и перерастают в социальные, а затем и в криминальные. Мигранты, как правило, слабо владеют английским языком и совсем не владеют местными, например, скандинавскими. Это с неизбежностью порождает недопонимание и недоразумения бытового характера. Во-вторых, приезжающие имеют низкий уровень общего образования или не имеют его совсем, а тем более технического. Поэтому сразу рассчитывать на какую-либо квалифицированную работу они не могут. Их уделом остается черновая подсобная работа либо торговая деятельность.

Эволюция африканской диаспоры в Новом Свете

Значительная активизация контактов африканцев с внешним миром относится к началу XV в. Между тем на старте века Великих географических открытий многие африканцы на других континентах были отнюдь не рабами, как это обычно принято считать. Африканцы сопровождали европейских путешественников в Америку и на острова Карибского бассейна, вместе с испанцами и португальцами исследуя новые территории и населявших их людей. По крайней мере один африканский моряк служил в команде Колумба во время его второго плавания в Южную Америку. То есть, первые африканские «эмигранты» появились на американском континенте в качестве не только рабов, но и свободных солдат, моряков, мастеровых и просто авантюристов. Что же касается рабов, то первая партия их была доставлена на остров Эспаньола (в настоящее время о. Гаити) лишь в 1518 г.

В первые десятилетия после открытия Колумбом Америки африканцев там было меньше, чем испанцев и португальцев. Однако уже в XVI в. ситуация стала стремительно меняться: около 150 тыс. африканцев было доставлено в качестве рабов в испанскую часть Южной Америки. Африканцы работали не только на плантациях. По мере расширения производства сахара, табака и индиго все больше рабов приобретало навыки плотника, каменщика, кузнеца, портного, повара, конюха и т.д.¹

С XVII в. начали создаваться общества рабов, которые, кроме выполнения функций сохранения африканских традиций, служили и как общества взаимопомощи и совместного противодействия хозяевам. В результате побегов, а также добровольного освобождения хозяевами своих

¹ Manning P. The African Diaspora: a history through culture, N.Y., 2009. P. 118.

рабов, росла численность свободного чернокожего южно- и североамериканского населения.

В целом, в истории рабовладения можно выделить два этапа. Первый характеризуется захватом, торговлей рабами и использованием их труда². На втором, благодаря усилившейся критике работорговли, произошло сокращение поставок на рынки новых рабов, хотя их число продолжало расти естественным путем (дети рабов автоматически становились рабами) – в отдельных районах Северной и Южной Америки вплоть до 1880-х гг. Рабовладение без работорговли стало особым этапом в истории рабства.

В XIX в. и те чернокожие, которые родились свободными, и те, которые были освобождены при жизни, находились в постоянной опасности обращения в рабство. Однако после отмены рабства на место одной большой проблемы пришла другая: расовая дискриминация. Теперь тот, кто был только что освобожден, уравнился в правах с тем, кто был свободным уже давно, в поисках работы, получении образования и борьбе за гражданские права, но и те, и другие оказались в самом низу социальной иерархии.

Потомки недавних рабов по-разному оценивали свои перспективы: одни предвкушали свободу, гражданство, благоприятные условия проживания в наиболее «продвинутых» регионах мира; другим представлялась бледная картина политического и экономического подчинения и социально-культурной зависимости, созданной веками рабства и закрепленной расовой дискриминацией и выматывающей дисциплиной промышленного труда. И те, и другие оказались по-своему правы.

Как во времена рабства, так и после его отмены африканская диаспора в Новом Свете сделала колоссальный вклад в развитие человечества в целом. Во многом именно благодаря появлению африканской диаспоры и передвижениям африканцев по всему миру были упрочены торговые, экономические, политические и прочие связи и взаимодействия между народами и континентами.

² История Африки в XIX – начале XX в. М., 1967. С. 18-20.

РАЗДЕЛ 2. МИГРАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Садовская Любовь Михайловна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

lubowsadowskaya@yandex.ru

Миграция – шанс для Африки

Влияние миграционных процессов на внутренние и внешние факторы развития африканских стран приняло системный, многоликий и противоречивый характер.

С одной стороны, миграцию можно рассматривать в качестве важного элемента экономического и социального развития как стран, принимающих большие потоки мигрантов, так и генерирующих исходящие миграционные потоки. Неслучайно признание выгод регулируемой миграции для социально-экономического развития привело к включению касающихся ее вопросов в Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г.

Являясь посредником между двумя и более культурно-цивилизационными пространствами, миграция служит средством обмена знаниями, навыками, культурными ценностями, образом жизни и социальной организации общества.

С другой стороны, миграция нередко приводит к возникновению социальной напряженности и межнациональной неприязни, росту преступности.

В докладе главное внимание предполагается уделить положительному влиянию, которое она оказывает на социальное и экономическое развитие африканских стран. В частности, речь пойдет о роли миграции в образовании и укреплении регионального сотрудничества.

Благодаря усилиям региональных экономических сообществ, таких как ЭКОВАС (Экономическое сообщество западноафриканских государств) и ВАС (Восточноафриканский союз), стало возможным свободное передвижение людей, являющееся ключевым принципом в достижении большой интеграции. Этому способствовало принятие Африканским союзом в марте 2018 г. протокола «О свободном перемещении по всему континенту». Важно отметить, что большинство мигрантов в Африке перемещаются в пределах региона, не покидая свой континент.

В последние десятилетия образование стало мотивацией для международной мобильности. У выпускников высших учебных заведений она в 5 раз выше, чем у других с более низким образовательным уровнем.

Связь между миграцией и образованием является основной в дискуссиях об «утечке мозгов». В этом контексте стоит обратить внимание и на такое явление, как «усиление мозгов», которое коррелируется с возвратной миграцией выпускников, накопивших капитал и приобретших навыки для его реинвестирования в стране происхождения. Африканские государства пытаются заинтересовать разного рода послаблениями квалифицированных мигрантов для их возвращения на родину.

Стоит обратить внимание на инновацию «Партнерство в области мобильности навыков», которая внедряется сейчас в некоторых африканских государствах. Суть ее заключается в приобретении навыков, соответствующих международным стандартам, потенциальными мигрантами в странах их происхождения посредством заключения контрактов с принимающей стороной и за ее счет. Опыт показал, что часть рабочей силы, прошедшей обучение по такому контракту, остается в своей стране и, следовательно, участвует в ее развитии.

Большое значение для поддержки образования имеют денежные трансферы африканских мигрантов. Более 700 млн человек живут на денежные переводы, суммы которых, по данным Всемирного банка,

составляют от 5% до 10% ВВП, при этом часть из них идет на обучение родных, оставшихся в странах, из которых они эмигрировали.

В настоящее время проблемы миграции заставляют африканских руководителей все чаще обращать более пристальное внимание на взаимозависимость миграционной и образовательной политики.

Маценко Ирина Борисовна, к.э.н, с.н.с.

Институт Африки РАН

ibmatsenko@gmail.com

Трудовая миграция и рынок труда в Африке

Миграционные процессы в Африке традиционно включают внутриконтинентальную трудовую миграцию, т.е. передвижение рабочей силы внутри одной страны, в рамках субрегиона или в пределах всего континента. Причины миграции многообразны, тем не менее доминирующим мотивом трудовой миграции остается экономический, а именно занятость и бедность населения. Хроническая бедность, безработица и неполная занятость вкупе с низкой оплатой труда вызывают исход африканцев в поисках лучшей жизни из привычной среды обитания. Единственный выход из критического материального состояния население видит в миграции – уходе из своей деревни в поселки и города собственной страны или за ее пределы.

Происходящий в Африке бурный демографический рост (2,6% в год) обуславливает, в свою очередь, быстрый рост трудоспособного населения, что еще более усложняет ситуацию на рынке труда. По прогнозам, к 2030 г. в Африке южнее Сахары будет проживать более четверти всей молодежи планеты, а численность рабочей силы в целом возрастет на две трети (это больше, чем во всех странах мира, вместе взятых).

Наиболее массовым перемещением людей на континенте является постоянная или временная миграция жителей деревни в город. Сельско-городская миграция как отток в города т.н. избыточного сельского населения наблюдается во всех африканских странах, что вызвано неспособностью низкопродуктивного мелкого потребительского хозяйства большинства стран региона обеспечить продуктивную занятость постоянно растущего сельского трудоспособного населения. Поселяясь в городах, значительное число африканцев оседает главным образом в неформальном секторе экономики с

его низким уровнем производительности, мизерными заработками и отсутствием социальной защиты.

Что касается межстрановой миграции на Африканском континенте, то ее масштабы и направления обусловлены существующим разрывом в уровнях и перспективах социально-экономического развития тех или иных стран. Так, основными странами-реципиентами трудовых ресурсов в рамках внутриафриканской миграции являются ЮАР, Кот-д'Ивуар, Уганда, Эфиопия, Нигерия и Кения. За ними следуют Буркина Фасо, Камерун, Танзания, Республика Конго, Гана и Руанда. Среди поставщиков дешевой рабочей силы в регионе –такие страны, как Бенин, Руанда, Бурунди, Мали, Нигер, Буркина Фасо, Того, Чад, ЦАР, Мавритания.

В целом, миграционные процессы в Африке в последние десятилетия значительно ускорились не только в рамках отдельных стран и субрегионов, но и всего континента. По всей видимости, эти тенденции сохранятся и даже усилятся в ближайшей перспективе. Вместе с тем расширение миграционных потоков вызывает необходимость их более эффективного регулирования со стороны государства в интересах как стран-отправителей, так и принимающих стран. В этой связи в последнее время африканскими лидерами все большее значение придается регулированию и управлению трудовой миграцией как одному из важнейших факторов региональной интеграции и в будущем достижения Африканским союзом цели создания объединенной и единой Африки.

Морозенская Евгения Викторовна, к.э.н., в.н.с.
зав. Центром изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН
evmorozen@mail.ru

Роль трудовой миграции в продвижении региональной экономической интеграции государств Субсахарской Африки

Процесс экономической интеграции, включающий, как правило, вначале – либерализацию взаимной торговли стран-участниц, затем – устранение ограничений в движении капиталов и рабочей силы, при соответствующих условиях может привести к созданию единого экономического, правового, информационного пространства в рамках региона. Соответственно, исходным этапом региональной экономической интеграции считается создание зоны свободной торговли, затем – таможенного союза, общего рынка и, наконец, экономического союза. Вместе с тем ни таможенный, ни валютный союзы не могут служить основой для полноценного срастания экономик соседних стран в единый хозяйственный комплекс. Связующим звеном для формирования устойчивых экономических связей является свободное передвижение между ними капиталов и трудовых ресурсов.

В настоящее время действующие в Африке региональные экономические группировки придерживаются парадигмы линейной рыночной интеграции, предполагающей поэтапное объединение рынков товаров, труда, капитала и, по возможности, национальных валютных и налоговых систем стран-участниц. Важной особенностью миграции работников внутри африканских интеграционных группировок представляется то, что в данном случае бывает сложно провести грань между выделяемыми статистикой видами миграции (безвозвратной, временной, сезонной и маятниковой). Кроме того, трудно различимыми становятся

понятия «внутренняя миграция» (перемещение трудоспособного населения внутри страны) и «внешняя миграция» (перемещение за пределы страны). Особенно наглядно это проявляется в ситуации, когда у мигрантов появляется возможность официально оформить гражданство интеграционного сообщества (это уже происходит в ЭКОВАС).

Внутрирегиональная миграция несет определенные риски для всех участников хозяйственных отношений, прежде всего социальные (увеличение теневого сектора, рост безработицы среди местных жителей, различные формы дискриминации приезжих, отсутствие у них прав на получение ряда социальных услуг – медицинских, образовательных и др.) и экономические – вследствие невозможности или нежелания принимающей страны использовать не только рабочую силу мигрантов, но и их человеческий капитал (прежде всего профессиональную квалификацию).

Основная часть внутриафриканских мигрантов занята в малом бизнесе, привлекающем преимущественно низкоквалифицированную рабочую силу и не располагающем ни желанием, ни средствами для профессионального обучения работников. Между тем в интеграционных объединениях действуют межгосударственные программы по реализации совместных хозяйственных проектов, в основном в сфере производственной инфраструктуры. Их качественной реализации с наименьшими финансовыми и социальными потерями для работодателей и работников частных и муниципальных предприятий, и особенно государственно-частных компаний может способствовать привлечение трудовых мигрантов из сопредельных стран. Подобная ситуация находит отражение в планах государств-членов по формированию единого регионального рынка труда.

Прокопенко Любовь Ярославна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

skole60@mail.ru

Рост китайской трудовой миграции в Замбию как следствие притока инвестиционного капитала

Замбия как страна-экспортер минерального сырья является одним из полюсов «притяжения трудовой миграции» в Африке¹.

Отношения между Замбией и Китаем, установленные в 1964 г., развивались в период однопартийного правления ЮНИП во главе с президентом К. Каундой и укрепились после прихода к власти в 1991 г. партии Движение за многопартийную демократию (ДМД) во главе с Фредериком Чилубой. Экономическое сотрудничество значительно расширилось в годы президентства Леви Мванавасы (2001–2008 гг.), когда в экономику страны инвестировали более 180 китайских компаний, а накопленные инвестиции составляли 316 млн долл. США². Реализация масштабных проектов Китая (добыча и переработка меди, развитие транспортной инфраструктуры, создание зоны торгово-экономического сотрудничества) привела не только к созданию рабочих мест для местного населения, но и к росту трудовой миграции китайцев. Это стало поводом для резкой критики властей со стороны оппозиционной партии Патриотический фронт (ПФ) во главе с Майклом Сатой. Но после избрания президентом страны в 2011 г. он изменил свою оценку экономической активности Китая, заявил о политике поощрения китайских инвестиций при условии соблюдения инвесторами замбийских законов, прежде всего, создания нормальных условий труда для местных рабочих.

¹ *Абрамова И.О.* Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема? // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1635>

² *Дейч Т.Л.* Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 207.

Замбия входит в десятку африканских стран, которые являются лидерами по объему накопленных китайских инвестиций; в 2018 г. они составляли 2,34 млрд долл. США. За последнее десятилетие развития прочных экономических отношений между двумя странами число китайских трудовых мигрантов увеличилось на 60%. Рост китайской общины происходит за счет как легальной, так и нелегальной иммиграции. Последняя находится в центре внимания миграционной службы и полиции и становится иногда причиной столкновений (в том числе с кровопролитием) между замбийскими и китайскими рабочими на шахтах.

Правительство Эдгара Лунгу (избран в 2015 г.) предприняло ряд мер по развитию миграционной политики в отношении мигрантов, в том числе китайских. Одним из примеров долгосрочной приверженности двусторонним отношениям с Китаем стало решение замбийского правительства о введении изучения китайского языка в младших и старших классах средней школы, принятое в мае 2019 г.

Ряд аналитиков прогнозируют дальнейшее расширение китайской общины в Замбии и указывают на ее «несоразмерное численности экономическое воздействие»³. На разных уровнях (правительство, население, местные бизнесмены) отношение к китайским мигрантам отличается. Власти понимают экономическую выгоду от сотрудничества с Китаем, который, инвестируя, не пытается диктовать условия политического характера и не вмешивается во внутренние дела. В то же время приток китайских рабочих и предпринимателей становится потенциально опасным социальным фактором в стране с высоким уровнем безработицы (ок. 20%).

³ *Postel H. Moving Beyond “China in Africa”: Insights from Zambian Immigration Data // Journal of Current Chinese Affairs. 2017. Vol. 46, Issue 2. P. 172. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/186810261704600207>*

Отношение к трудовым мигрантам в принимающих сообществах

Довольно эклектичный современный мир, с одной стороны, стал более целостным, с другой – глобализация, ставя «лицом к лицу» различные культуры, разные знания и интересы, неизбежно активизирует «локальное» сознание, вызывая сопротивление глобализационным процессам. Они воспринимаются как прямая угроза культурно-конфессиональному самоопределению народов, что создает реальные предпосылки для националистических настроений. Тенденции активизации этнического и национального сознания характерны и для современного мира. Современный этап глобализации, поднявший беспрецедентную миграционную волну, вызвал и противоположную тенденцию – рост этнического сознания, причем в «принимающих» этносах. Это новое явление, поскольку традиционно обостренным этническим сознанием отличались именно этнические меньшинства.

Отношение к мигрантам весьма различается по территориально-географическому признаку. На Африканском континенте к мигрантам, покинувшим родные места вследствие военных конфликтов, гражданских войн, многих иных политических, социально-экономических, экологических и природных катаклизмов, в странах-реципиентах первоначально повсеместно проявляются сочувствие и попытки помочь бедствующим и терпящим лишения людям. Но со временем сострадание сходит на нет и уступает место раздражению и озлобленности. Международное сообщество выделяет средства на обустройство беженцев в принимающих государствах, но население городков мигрантов при малейшей возможности стремится вернуться на родину. К трудовым мигрантам отношение также непростое.

Так, в ЮАР и в северных районах Мозамбика в ходе антиэмигрантских выступлений гибли люди, уничтожалось их имущество. Жители бедных районов требовали изгнания иностранцев, якобы отнимающих у них рабочие места и повышающих уровень преступности.

В азиатских странах, прежде всего в Китае и Индии, можно отметить более благоприятное отношение, чем, например, в Южной Европе, а также в Западной и Центральной. В частности, одной из основных причин брекзита стало недовольство англичан тем, что квоты на прием иммигрантов определял Евросоюз. Относительно благоприятно воспринимают мигрантов в Скандинавии и на севере Европы (Финляндии и Исландии), где наименьшие квоты расселения. В США даже между африкано-американцами и африканцами отношения довольно сложные и характеризуются и взаимным притяжением, и отталкиванием.

Ныне Евросоюз разрабатывает ряд стратегий в миграционном вопросе. Его помощь в целях устойчивого развития для стран Африки стала все более связываться с усилиями по сокращению миграции. Лейтмотивом миграционных процессов специалисты-исследователи называют демографический фактор. Нарастающая демографическая динамика на Африканском континенте и отсутствие работы, особенно среди молодежи, с одной стороны, и с другой – старение европейского населения и увеличение продолжительности жизни, уменьшение доли трудоспособных граждан, снижение рождаемости и пр. приводят к росту миграционного давления. Предприниматели развитых стран весьма заинтересованы в использовании труда иммигрантов вследствие старения европейского населения, стремления снизить производственные издержки (в частности, расходы на рабочую силу), необходимости привлечения трудовых ресурсов в период роста производства и дефицита рабочих рук в сферах, связанных с тяжелыми или неблагоприятными условиями труда, а также для сезонных работ в сельском хозяйстве. Ведь в эпоху глобализации экономики снижение затрат –

важнейшее условие в конкурентной борьбе на внутреннем и внешнем рынках.

В настоящее время около 80% жителей Европы выступают за усиление контроля на внешних границах ЕС, при этом, правда, 56% не против целевого приглашения иностранных рабочих и специалистов. Опросы общественного мнения показывают, что европейцы все чаще заявляют о необходимости более активной защиты собственной культуры и собственного образа жизни.

В целом, и развитые, и развивающиеся страны в современном глобализованном мире не могут обойтись друг без друга. Проблемы миграции и миграционных потоков останутся в первых строках политической повестки дня, прежде всего для ЕС, (опасаемся сказать «навсегда», но...) еще на чрезвычайно длительную историческую перспективу. Их необходимо решать на взаимоприемлемых условиях.

Банщикова Анастасия Алексеевна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

senet_m_ta@mail.ru

Иванченко Оксана Васильевна, м.н.с.

Институт Африки РАН,

ayleen@yandex.ru

Трудовая миграция и современное рабство в странах Ближнего Востока как фактор взаимоотношений между арабо- и афротанзанийцами¹

Арабская работорговля XIX в. в Восточной Африке и бассейне Индийского океана оставила трагический след в культуре затронутых обществ, что продолжает оказывать влияние на современные межэтнические и межконфессиональные отношения. Ситуация изучалась в ходе двух сезонов полевого исследования, проведенного А.А. Банщиковой, О.В. Иванченко и В.Н. Брындиной в 2018-2019 гг. в пяти городах и населенных пунктах Танзании (Дар-эс-Салам, Багамойо, Пангани, Танга и Занзибар).

Исследование проводилось в форме глубинных интервью на английском языке и на суахили; за два сезона было собрано более 130 интервью. Мнения респондентов о межэтнических отношениях в стране разделились практически поровну: половина опрошенных считает, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами совершенно нормальные, вторая половина отмечает наличие некоторых трений и сложностей, связанных как памятью о исторической работорговле XIX в., так и с происходящим в наши дни (также замечено, что толерантность по отношению к арабам ниже в среде христиан). Следует подчеркнуть, что такие восприятия не подпитываются и не генерируются государственной информационно-образовательной политикой, так как последняя, наоборот,

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 20-09-00361 «Культурная память об арабской работорговле XIX века и ее влияние на межэтнические отношения в современной Танзании».

подчеркивает равенство и единство всех танзанийских граждан, не проводя разницы между арабами и афротанзанийцами, а обращаясь к теме работорговли, принципиально не рисует ее в качестве именно «арабской». В интервью последней группы респондентов был замечен специфический топос, повторенный несколькими людьми с разной степенью подробности: они рассказывали о случаях так называемого современного рабства, когда людей, чаще молодых женщин, обещанием работы и лучшей жизни заманивали в арабские страны, а там отбирали паспорта и заставляли заниматься проституцией или сексуальным обслуживанием мужчин данного дома. Респонденты указывают, что такие истории влияют на отношение к арабам; более того, они концептуализируются как продолжение исторической работорговли XIX в. В докладе будет показано место современного рабства в контексте факторов, негативно влияющих на систему межэтнических отношений в современной Танзании.

Нина Германовна Гаврилова, м.н.с.

Институт Африки РАН.

ninagavrilova1976@gmail.com

Скотоводческие миграции в Африке: аспект безопасности.

Десятилетиями между пастухами и фермерами некоторых стран Африки разгорается серьезный конфликт, приводящий к гибели людей, потере ценного имущества, разорению сельскохозяйственных угодий. Эти разногласия между двумя важными производителями сельскохозяйственной продукции создают серьезную социально-экономическую угрозу для населения стран, в первую очередь для продовольственной безопасности, так как ни фермеры, ни скотоводы не могут заниматься своей прямой деятельностью по производству продукции. Так как скотоводам принадлежит около 90% национальных стад и они являются практически единственной группой производителей продукции животноводства в странах региона, страны, участвующие в конфликте, сталкиваются с серьезно проблемой обеспечения населения продуктами, богатыми животными белками¹.

Последствия разногласий между мигрирующими скотоводами и оседлыми фермерами затронули множество стран африканского континента: Центральноафриканскую Республику, Чад, Мали, Кению, Сомали, Судан, Демократическую Республику Конго, Буркина-Фасо, Гану, Нигерию и другие стран². На протяжении веков в определенное время года пастухи перегоняли скот с севера на юг и обратно по сложившимся маршрутам; при этом границы государств не были им помехой. В начале 20-го века миграционные пути стали меняться прежде всего из-за климатических изменений (частые засухи и опустынивание) и роста населения (потеря северных пастбищ в

¹ Гаврилова Н.Г. Современное состояние экономики Нигерии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 380–384.

² Костелянец С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 76-86.

связи с расширением населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий)³. В результате передвижений пастухов со стадами усиливается конкуренция за земельные и водные ресурсы, что часто приводит к насильственным столкновениям и конфликтам, масштабы и интенсивность которых значительно возросли. Последствия столкновений становятся все более жестокими, включая массовые жертвы, разрушение поселений, инфраструктуры и имущества, в том числе крупномасштабное насильственное перемещение людей⁴. Правительствами стран уделяется повышенное внимание разработке и совершенствованию политики решения затяжных конфликтов между фермерами и скотоводами. На данный момент многие меры носят ограничивающий характер: например, запреты на выпас скота, ограничения территорий выпаса, выселение иностранных скотоводов за пределы страны, что еще более усиливает конфликтную ситуацию⁵.

Однако есть и мирные решения. Предлагается два сценария: либо создание ранчо для ограничений передвижения стад, либо строительство коридоров для перегонки скота. Странам, участвующим в миграции скота, необходимо выбрать один из двух сценариев и четко сформулировать общую политику, которая помогла бы решить конфликты между скотоводами и фермерами.

³ *Williams A. A.-G.* Herdsmen and Farmers Conflict in Nigeria: Another Dimension of Insecurity //Journal of Public Administration and Social Welfare Research. 2018. Vol. 3 No. 1. URL: https://www.academia.edu/39704050/Herdsmen_and_Farmers_Conflict_in_Nigeria_Another_Dimension_of_Insecurity

⁴ *Костелянец С.В.* Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты) // Восток. 2014. №4. С. 196-202.

⁵ *Okoro J. P.* Herdsmen, Farmers Conflict and its Effects on Socio-Economic Development in Nigeria // Journal of Peace, Security, and Development. 2018. Volume 4, No. 1. Pp.143-158. URL: https://www.academia.edu/40776733/HERDSMEN_FARMERS_CONFLICT_AND_ITS_EFFECTS_ON_SOCIO-ECONOMIC_DEVELOPMENT_IN_NIGERIA

Как миграция может повлиять на экономику Африки

Миграция населения присуща Африканскому континенту как в прошлом, так и в настоящее время. Сейчас в Африке наблюдаются миграция из сельской местности в города, что усиливает африканскую урбанизацию; международная трудовая миграция; и нелегальная миграция за пределы континента – в частности, в Европу. На фоне политической нестабильности в странах континента (Демократическая Республика Конго, Мали, ЦАР и др.) образуются потоки вынужденных переселенцев, покидающих зоны конфликтов и перемещающихся как внутри национальных границ, так и в соседние государства.

Миграция на континенте в основном носит внутриафриканский характер¹. Более половины (53%) международных мигрантов Африки остались на континенте². Согласно докладу «Economic Development in Africa. Report 2018. Migration for Structural Transformation», внутриафриканская миграция является катализатором экономического роста и может положительно влиять на структурные преобразования в принимающих странах. По прогнозам ЮНКТАД, которые основаны на существующих сценариях миграции, иммиграционные потоки могут привести к существенному увеличению ВВП на душу населения в Африке с 2008 долл. США (2016 г.) до 3249 долл. США к 2030 г.³

Кроме того, считается, что миграция может способствовать повышению производительности труда в принимающих странах. Увеличение

¹ World Migration. Report 2020 / International Organization for Migration (IOM). P. 122. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf

² Economic Development in Africa. Report 2018. Migration for Structural Transformation / United nations conference on trade and development, New York and Geneva, 2018. P. 147. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2018_en.pdf. Примечание: в 2017 г.

³ Ibid.

объема иммиграции приводит к увеличению темпов роста производительности внутри сектора. Этот эффект увеличивается для секторов, в которых в прошлом наблюдалась относительно высокая миграция (горнодобывающая промышленность, производство, сельское хозяйство, строительство, услуги)⁴.

Таким образом, миграция может способствовать экономическому развитию Африканского континента, но при условии принятия действенных выверенных решений (особенно в условиях роста численности африканского населения), основанных на региональном подходе и учитывающих особенности каждой конкретной страны, ее экономики, потребностей в рабочей силе, возможностей развития человеческого капитала, от которых будет зависеть благополучие Африки в ближайшем будущем.

⁴Ibid. P. 148.

РАЗДЕЛ 3. СЕВЕРНАЯ АФРИКА И АФРИКАНСКИЙ РОГ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИГРАЦИЙ

Крылова Наталья Леонидовна, д.и.н., гл.н.с.

Институт Африки РАН

krylovank@yandex.ru

Россия – Африка – Франция: эмигрантская семья в поисках прибежища

Русская эмиграция во Францию уже основательно изучена. Однако соотечественники оказывались и в ее протекторатах, и такие сложные траектории ее движения, как: Россия – Африка, а затем Африка – Франция практически не исследованы, как и гражданские и профессиональные судьбы этого эмиграционного потока.

Тем не менее, люди, эмигрировавшие из послереволюционной России, а спустя четверть века – из Советской России и сопредельных с ней стран, зачастую не по личному выбору, а по воле Франции, жили на «промежуточных» африканских стоянках десятилетиями, что неизбежно приводило ко взаимодействию с автохтонными и колониальными социумами, к вольному или невольному участию в создании сложной картины межцивилизационных взаимоотношений в рамках «метрополия/зависимая территория». Группы русских на протяжении многих лет взаимодействовали и с французской культурой на ее «заморских территориях», расцветивая их своим присутствием – культурным, религиозным, духовным. Русские во Французской Африке – это особый сегмент не только российской, но и общей истории.

В докладе предполагается поднять следующие вопросы:

– воздействовала ли русская эмиграция на колониальный социум, способствовала ли самим фактором своего существования сохранению присутствия европейской цивилизации в Африке? Насколько тесно она была

связана с мультикультурным, мультиконфессиональным колониальным обществом (местным населением, другими европейцами, жившими в тот период в Африке)?

– Как русская культура в лице ее носителей вписывалась в общий культурный контекст французских протекторатов, сохраняла ли она автономию или вращалась в местный культурный колорит?

– Что из собственно «африканского» субстрата оседало в эмигрантских русских семьях, воспоминаниях, быте, отношениях?

– Почему эмигранты из России и сопредельных с ней территорий возвращались не в Россию, а во Францию вместе с колониалами, уходившими на свою историческую родину с завоеванием колониями независимости? Чем конкретно было обусловлено возвращение русских эмигрантов из Африки во Францию? У всех ли были одинаковые мотивы для возвращения?

Сегодня отдельные представители слоя этнических русских, выходцев из французских протекторатов пытаются воссоздать в своих воспоминаниях и с помощью семейных архивов реальную картину истории этой части русской эмиграции, степени ее включенности в мировой миграционный процесс XX в., а также событий, конкретно значимых для истории России и Африки (через жизненный опыт русских переселенцев в ее протекторатах вплоть до завоевания независимости и в постколониальную эпоху).

Один из важных культурологических фрагментов нашей общей истории – настроения, чувства, связи этой группы этнических русских с исторической родиной. Подход к феномену русской эмиграции через исследование социально-психологической и социокультурной среды обитания и в этом контексте факторов, ее объединяющих либо разобщающих, наиболее эффективен через исследование семьи, ибо в эмиграции чаще «выживают» именно семейные образования.

Миграционные процессы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: где решение проблемы/решаема ли проблема в принципе?

В докладе анализируется характер, масштабы и динамика миграционной волны, возникшей главным образом в 2000-е годы. Общественный дискурс относительно ее особенностей и последствий сводится в основном к оценке: это – благо или нерешаемая политическая и гуманитарная проблема? Изучение полувековой истории самого феномена не дает основания для однозначного ответа.

Низкая рождаемость, рост продолжительности жизни, увеличение доли возрастных групп, изменения в мотивационных настроениях/профессиональных предпочтениях в развитых странах неизбежно рождает спрос на рабочие руки из стран Африки и Азии с «избыточным» населением, представленных молодежью.

И это – достаточно устоявшаяся картина. Ее дополняют последствия/неизбежные спутники «локомотива» глобализации – демонстрационный эффект, усиливаемый формированием единого информационного пространства, рождение технически новой логистической сети, включающей разнообразные способы перемещения (огромных) масс людей, в том числе беженцев/мигрантов, дрейф на периферию/обочину мировой цивилизации значительного числа слабо развивающихся государств, неблагополучных в социально-экономическом отношении стран, пострадавших от внутренних и международных конфликтов и войн, где возникает благоприятная почва для эмиграционных настроений тысяч и миллионов людей.

Даже краткий анализ причин и факторов, обусловивших небывалую в мире миграционную волну, дает основания полагать, что решение острейших проблем, порождаемых массовой, спонтанной, главным образом нелегальной миграцией, требует комплексного подхода. Причем не только со стороны развитых государств, но и стран происхождения миграции.

Среди многочисленных публикаций, научных исследований, посвященных данной проблеме, решений, принимаемых властями и международными организациями, интеграционными группировками по тем или иным аспектам ее регулирования, важное место принадлежит мерам, направленным на решение острейших проблем достижения в афро-азиатских странах – источниках массовой миграции стабильных экономического подъема и сокращения масштабов безработицы. К ним относятся поддержка развития малого и среднего предпринимательства, расширение масштабов реализации программ и проектов с массовым применением рабочих рук, финансирование тех отраслей экономики, которые требуют значительных объемов трудовых затрат, в том числе в инфраструктурных объектах, в сфере услуг, в том числе в индустрии туризма, гостиничном деле и т.д.

В заключении доклада рассматриваются отдельные направления и меры кратко- и долгосрочного регулирования миграционных процессов развитыми странами — реципиентами миграционных потоков (членами т.н. Вышеградской группы и наиболее развитыми государствами).

Матросов Валерий Анатольевич, преподаватель

Школа востоковедения НИУ ВШЭ

vam_179@mail.ru

Племенная «федерация» как исторический инструмент социальной инкорпорации иммигрантов: кейс ал-‘авакир

Территория Киренаики (или, как называют её арабы, Барки) исторически выделялась среди прочих земель Северной Африки, завоёванных в VII-VIII вв. арабами, бессознательным, но вполне последовательным неприятием государственности на протяжении многих столетий. В то время как на большей части просторов Магриба сменяли друг друга эмираты, султанаты и даже халифаты, социально-политическая организация Барки продолжала зиждиться на иерархии населявших её племён, которые делили всю территорию региона между собой.

В то же время, Киренаика оставалась ключевым узлом на пути миграционных потоков: одни сообщества перемещались вдоль моря, из Египта в сторону Дальнего Магриба и наоборот, другие прибывали с юга, по древнему караванному пути, проложенному между оазисами. Некоторые из них, в силу тех или иных причин, были вынуждены оседать в Барке и, как следствие, приспособившись к локальной племенной структуре, встраиваться в сложившиеся политические, территориальные, военные, хозяйственные отношения.

Распространение практики клиентелы, при которой каждая прибывающая на территорию Киренаики община или целое племя признавало над собой верховенство одного из местных племён, привело к возникновению целых «федераций». Важной особенностью таких образований нужно считать то, что подчинение местным шейхам не сводилось к вопросам распределения пастбищных земель и внешней политики: фактически, прибывшие постепенно теряли собственную

идентичность, растворяясь в племени-патроне, принимая этноним, легенду о происхождении, разделяя с ним общие культурные установки и особенности восприятия, как актуальной ситуации, так и исторического прошлого. Вместе с новой идентичностью вырабатывалось и чувство солидарности – ‘асабийя.

В настоящем докладе на примере одного из ключевых в Киренаике племени ал-‘авакир, в рамках которого доля «коренных ‘авакирцев» по осторожным подсчётам едва ли превышает 10% от общей численности, будет показано, как происходит трансформация этнически гомогенной группы в многонациональное сообщество, и каковы могут быть последствия для культурной идентичности всей такой «федерации» при тенденции к установлению максимальной однородности самовосприятия её представителей. В частности, будут затронуты вопросы о том, как формировались представления о происхождении и первопредках племени, как они эволюционировали в соответствии с социальными обстоятельствами, как разные компоненты такого комплексного общества осознавали его роль на политической арене региона; наконец, как иммигранты мало- помалу растворялись в среде племени, а племя – в среде иммигрантов.

Ливия как перевалочный пункт мигрантов в Европу в эпоху современности

На протяжении уже многих лет Ливия является страной с одной из самых высоких в Африке долей мигрантов. Так, 12% (на 2020 г.) населения Ливии составляют мигранты¹. Некоторые переселенцы приезжают в африканскую страну на «заработки», выбирая её в качестве конечного пункта миграции, так как в тех странах, откуда прибывают мигранты, наблюдается политическая нестабильность, нищета, отсутствие рабочих мест².

Кроме того, Ливия являлась до определённого момента ключевой отправной точкой для совершения миграции в Европу: 90% мигрантов в 2017 г. выбрали эту страну в качестве первоначального пункта для переселения в страны ЕС³, однако лишь 59% удалось достичь берегов Европы⁴.

С 2018 г. ситуация кардинально изменилась: Центрально-средиземноморский маршрут перестал быть основным для переселения мигрантов в Европу; количество прибытий мигрантов в страны ЕС из Ливии уменьшилось на 86%⁵. В относительных масштабах в 2018 г. из Ливии прибыло 11% от всего количества переселенцев⁶. Тем временем, наблюдалось увеличение количества появившихся переселенцев в Испании,

¹ *Maio M., Molini V., Sciabolazza V.* Migration in Libya. A special Network Analysis // Policy Research Working Paper. January 2020. № 9110. P3. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/707491579010444386/pdf/Migration-in-Libya-A-Spatial-Network-Analysis.pdf>.

² *Morone A.* Policies, Practices, and Representations Regarding Sub-Saharan Migrants in Libya: From the Partnership with Italy to the Post-Qadhafi Era // EurAfrican Borders and migration Management. October 2017. № 978-1-349-94971-7.P134. URL: https://www.researchgate.net/publication/310466305_Policies_Practices_and_Representations_Regarding_Sub-Saharan_Migrants_in_Libya_From_the_Partnership_with_Italy_to_the_Post-Qadhafi_Era

³ Ibid.

⁴ UNHCR (2019, June). Routes Towards the Mediterranean // Reducing Risks and Strengthening Protection. P5. URL: <https://www.unhcr.org/5d1327ab7.pdf>

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

которые прибыли из Марокко. Всё это говорит об изменении основных маршрутов прибытия мигрантов в Европу: с Центрально-средиземноморского на Западно-средиземноморский маршрут⁷.

Данное изменение было предсказуемо после подписания Мальтийской декларации 2017 г. между Евросоюзом и ПНС⁸, суть которой состоит в перекрытии потока нелегальных мигрантов в страны ЕС путём сотрудничества и оказания финансовой помощи странам, из которых прибывают мигранты в Европу⁹.

Проводя подобного рода политику, ЕС пытается избежать юридической ответственности, возникающей при въезде переселенцев в Европу¹⁰. Проблема заключается в том, что в настоящее время попытки миграции через Центрально-средиземноморский маршрут продолжаются, однако ЕС совместно с ливийской береговой охраной пытается их предотвратить.

Так, за май 2020 г., около 1 тыс. мигрантов пыталось пересечь Средиземное море из Ливии. Мигранты, боясь попасть в изоляторы, в которых царят невыносимые условия содержания, выбрасываются за борт лодок. С 2014 по 2020 гг. количество погибших мигрантов в Средиземном море превысило 20 тыс. человек¹¹. Кроме того, за период до мая 2020 г. было возвращено в Ливию 40 тыс. мигрантов, направлявшихся в Европу¹².

Таким образом, можно утверждать, что проводимая политика ЕС в отношении мигрантов неэффективна; ситуация усугубляется на фоне отсутствия стабильности на территории самой Ливии. Всё это позволяет говорить о начале очередного миграционного кризиса. Одним из возможных

⁷ IOM UN Migration (2020). World Migration Report // North Africa. P67. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/wmr_2020.pdf

⁸ *Losier J., Nakache D.* The European Union Immigration Agreement with Libya: Out of Sight, Out of Mind? // *E-International Relations*. 25 July 2017. P2. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/70177>

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Human Rights Watch (2019, January). No Escape from Hell // *EU Policies Contribute to Abuse of Migrants in Libya*. № 978-1-6231-36994. P3. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/eu0119_web2.pdf

¹¹ UN: Libyan coastguard detains hundreds of migrants // *Al Jazeera*. 25.05.2020. URL:

<https://www.aljazeera.com/news/2020/05/libyan-coastguard-detains-hundreds-migrants-200525191125794.html>

¹² Libya and its migrants confront new threats // *BROOKINGS*. 20.05.2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2020/05/20/libya-and-its-migrants-confront-new-threats>

разрешений которого является не только увеличение финансирования ливийских органов власти странами ЕС и международными организациями, но и широкомасштабное привлечение к работе с мигрантами сотрудников различных агентств ООН.

Мильто Анна Валентиновна, к.и.н., доцент
Финансовый университет при правительстве РФ
(Ярославский филиал)
amilto@mail.ru

Кочевники поневоле: особенности сомалийской миграции

В XXI в. иммиграция из Африки приобрела массовый характер в силу политических, экономических, этнорегиональных, конфессиональных, климатических и других факторов. Высоким уровнем миграции характеризуется регион Африканского Рога. Частые экологические катастрофы (засухи, наводнения, нашествия саранчи) поставляют переселенцев, которые бегут из дома в поисках пищи и воды. Однако основной причиной бегства из Сомали стал вооруженный конфликт, начавшийся в 1991 г. после падения диктаторского режима президента М.С. Барре. Более двух с половиной миллионов сомалийцев оказались внутренними перемещенными лицами, и почти 900 тыс. человек стали беженцами за пределами страны¹.

Большинство мигрантов остаются в Африке в приграничных лагерях в Кении, Эфиопии, Уганде, в меньшей степени ЮАР и Египте. Сомалийцы, у которых есть деньги, в поисках лучшей жизни устремились в Европу или Северную Америку. В результате такого рассредоточения появилась обширная сомалийская диаспора – одна из самых многочисленных в мире².

В изгнании адаптация мигрантов к окружающему обществу оказалась затруднена, с одной стороны, по причине многочисленных препятствий и ограничений правовой и социальной систем нового для них мира, с другой, из-за присущего сомалийским беженцам закрытого образа жизни и

¹ Migration Dimensions // Somalia. Strategic Plan 2019-2021. URL:

<https://www.iom.int/sites/default/files/country/docs/somalia/1-iomsomaliamissionstrategy2019-2021.pdf>

² Ibrahim A., Malik A., Wielenga C. Migration in sub-Saharan Africa: The Somali refugee and migrant experience // African Studies Review, Volume 63, № 1 (March 2020). P. 13.

нежелания контактировать с местным населением. Находясь в изгнании, сомалийцы не представляют собой единого целого: их отличают клановость, дифференциация от родственных групп. В такой кризисной ситуации особую актуальность приобретает проблема идентичности. Беженцы теряют ощущение тождества личности, что проявляется в неспособности найти ответы на вопросы о целях, смыслах, ценностях и выборе пути. Многие сомалийцы в поисках ответов обратились к радикальному исламу, что вызвало опасения среди населения европейских стран.

Лишь немногим – образованным слоям, интеллектуалам, деятелям науки и искусства – удалось реализовать себя за рубежом в основном в профессиональной сфере. Множественность идентификаций помогает таким кочевникам интернационализировать и тем самым обогатить все аспекты жизни. Они позиционируют себя «гражданами мира», перемещаясь с места на место, нигде не задерживаясь надолго, что в определенном смысле тоже является проявлением кризиса идентичности.

**Французская политика наёмничества как потенциальный фактор
миграции из Африки в Латинскую Америку на примере Суданского
экспедиционного корпуса**

Одним из последствий усиления в XIX в. экспансионистской политики великих держав, в первую очередь Великобритании и Франции, на Ближнем Востоке и в Африке стало проведение военных реформ и последующее формирование вооружённых подразделений на английский или французский манер из числа местных жителей с целью их дальнейшего использования в вооружённых конфликтах в интересах метрополии.

Так, колоссальное влияние Франции на протяжении первой половины XIX в. на политические и военные элиты Египта позволило императору Наполеону III положительно решить вопрос об участии батальона, сформированного из жителей египетского Судана, во французской экспедиции в Мексику (1863-1867 гг.). Экспедиционный корпус был отправлен Парижем для оказания поддержки императору провозглашённой (при активном французском участии) в 1863 г. Мексиканской империи Максимилиану (1864-1867 гг.); суданский батальон вошёл в его состав, так как предполагалось, что африканским рекрутам будет комфортно действовать в относительно привычных для них климатических условиях, и за счёт врождённого иммунитета они окажутся более устойчивы к возможным болезням, характерным для данного региона.

Французский экспедиционный корпус был выведен из Мексики в 1867 г., при этом исследователи отмечают, что проведение кампании характеризовалось возникновением в отряде социально-бытовых трудностей, вызывавших значительные небоевые потери. Примечательно, что высокий

уровень дезертирства среди солдат, в том числе рекрутов из числа жителей африканских колоний Франции, практически не затронул суданский батальон: за исключением шести человек, оставшиеся в живых бойцы покинули Мексику и вернулись домой. На фоне миграционных процессов, в которые напрямую оказался вовлечён регион БВСА, начавшихся двумя десятилетиями позднее и характерных для рубежа XIX-XX вв., когда египтяне, сирийцы, ливанцы целыми семьями предпочитали покидать родные места и переселяться в Америку, история суданских солдат, волей судьбы оказавшихся в Мексике и всеми силами стремившихся вернуться домой, в охваченную беспорядками долину Нила, кажется поразительным исключением.

В данном докладе, после краткого обзора событий мексиканской кампании, в которых принимал участие суданский батальон, будут изложены основные причины, нивелировавшие (по сравнению, например, с алжирскими частями) дезертирство в его рядах, которое в противном случае вполне могло бы повлечь за собой формирование в Мексике крупной суданской диаспоры. Будет представлен сравнительный анализ социальных и политических условий в двух регионах и определены те факторы, в силу которых, несмотря на представившуюся возможность, формирование первого суданского поселения на территории Нового Света так и не состоялось, а активизация миграционных процессов началась лишь десятилетия спустя.

РАЗДЕЛ 4. ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В СУБСАХАРСКОЙ АФРИКЕ

Андреева Лариса Анатольевна, д.филос.н., в.н.с.

Институт Африки РАН

larchen1969@gmail.com

Религиозный конфликт в зоне Сахеля как триггер миграции из стран Тропической Африки в Европу

В начале XXI в. религиозные конфликты и связанное с этим массовое насилие стали триггером африканской миграции. Миграционный поток из стран Тропической Африки направляется, прежде всего, в страны Европы. Число международных мигрантов из стран Африки к югу от Сахары в период с 2010 по 2017 гг. росло более высокими темпами (31%), чем в 2000-х годах (25%) и 1990-х годах (1%). Доля мигрантов из стран к югу от Сахары, проживающих в странах Европейского союза, Норвегии и Швейцарии, выросла с 11% в 1990 г. до 17% в 2017 г. Прогнозируется, что в ближайшие десятилетия число международных мигрантов из Африки увеличится¹. Три страны, расположенные в зоне Сахеля, – Нигерия, Сенегал, Камерун – лидируют по числу мигрантов в Европу.

По данным «World Religion Database» в 2000 г. в странах тропической Африки насчитывалось христиан – 57%, мусульман – 29%, приверженцев местных культов – около 13%². Исторически сложилось, что Северная Африка, Сомали, Джибути являются мусульманскими регионами, а Тропическая Африка, в большей своей части, христианской: «К 1910 г. ислам уже был крупнейшей религией в странах Северной Африки, Сомали и Джибути. <...> “Истощение” конверсионного ресурса этнорелигий в

¹ Connor F. International migration from sub-Saharan Africa has grown dramatically since 2010. 28.02.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/02/28/international-migration-from-sub-saharan-africa-has-grown-dramatically-since-2010>

² Андреева Л.А. Христианство в начале XXI века в Африке южнее Сахары: количественные и качественные характеристики. Восток. 2013. № 10 (354). С. 35-43.

последней трети XX века способствовало усилению конкуренции ислама и христианства в Судано-Сахельском коридоре и повышению риска возникновения религиозных конфликтов»³.

Сформировалась четкая линия разграничения между мусульманской и христианской частями африканского континента, которая не совпадает с государственными границами. Именно к этому пограничному региону приковано сейчас пристальное внимание, поскольку после разгрома «Исламского государства»⁴ боевики этой организации стали активно мигрировать в субсахельский регион. Зона Сахеля является одной из самых больших проблем безопасности в мире. Распространению исламистской идеологии способствует политическая нестабильность, слабое управление, коррупция, бедность и безработица. Именно насилие, связанное с религиозными конфликтами, обуславливает высокую миграцию в Европу из стран зоны Сахеля. Одной из наиболее известных террористических организаций, повинной во все возрастающем насилии в этом регионе, является «Боко Харам» («Западное образование греховно»), присягнувшая на верность «Исламскому государству». Она выступает за упразднение существующих политических институтов, устроенных по западному образцу, и установление законов шариата на территории страны. «Боко Харам» действует на севере Нигерии, где проживает преимущественно мусульманское население. Заметим, что ислам на этих территориях исторически хорошо укоренен со времен Фульбского джихада. В результате раскола в «Боко Харам» в 2016 г. возникла новая террористическая исламистская организация – «Исламское государство Западной Африки» («Islamic State's West Africa Province», ISWAP), которая быстро стала доминирующей в регионе. Влияние на религиозную ситуацию в зоне Сахеля оказывают ряд мусульманских стран, таких как Саудовская Аравия и Иран.

³ Захаров И.А. Процессы поляризации и деполяризации в конфессиональном пространстве Африки в XX – начале XXI веков. *Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы международной научной конференции*. Под ред. В.А. Рубцова, Э.И. Байбакова. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 159-161.

⁴ Организация запрещена в РФ.

Конфликт, существующий и набирающий обороты в странах зоны Сахеля, является именно религиозным конфликтом, который также подпитывается этническими противоречиями, слабостью государственных структур, коррупцией, неравномерностью экономического развития, а также влиянием иностранных государств. Религиозное насилие, разрастающееся в зоне Сахеля, ведет ко все возрастающему потоку мигрантов и является триггером африканской миграции в страны Европы.

Денисова Татьяна Сергеевна, к.и.н., в.н.с.

Институт Африки РАН

tsden@hotmail.com

Нигерийская диаспора в Южном Камеруне: история формирования и современное состояние

Граница между Нигерией и англоязычными регионами Камеруна была предметом споров между двумя государствами в течение всего периода их независимого развития. Между тем прозрачная граница никогда не была препятствием для массового перемещения людей и товаров. В результате в примыкающих к Нигерии районах Камеруна, особенно на богатом нефтью и другими природными ресурсами полуострове Бакасси, образовалось крупное сообщество нигерийских мигрантов, привлеченных большими экономическими возможностями.

Масштабные миграции начались еще в колониальный период, когда Великобритания управляла своим камерунским протекторатом как частью колониальной Нигерии. Благодаря более высокому, нежели у камерунцев, уровню образования и деловой хватке нигерийцы начали доминировать в экономике англофонного Камеруна, в частности восполняя там нехватку квалифицированной рабочей силы. Мигранты получали земельные участки под выращивание продовольственных культур, и, хотя передача наделов формально не была постоянной, многим из них удалось получить соответствующие документы и в некоторых случаях стать крупными землевладельцами. Постепенно нигерийцы монополизировали торговлю продуктами питания и импортными товарами, производство и продажу – в ряде районов – пальмового масла, а также сферу грузовых и пассажирских перевозок. Многие мигранты занимались ресторанным бизнесом, пошивом одежды, ремонтом велосипедов и т.д. и оказались среди крупных перекупщиков какао, которое со временем стало основной экспортной

культурой Южного Камеруна. Но, самое главное, именно нигерийцы назначались чиновниками колониальной администрации и надсмотрщиками на плантациях.

Сложившаяся ситуация вызывала недовольство местных жителей, чувствовавших себя «порабощенными» даже не Великобританией, а Нигерией: мигранты становились жертвами нападений, зачастую приводивших к их гибели; обвинялись в коррупции, распространении наркотиков, воровстве, каннибализме, колдовстве, неуважении к местным обычаям и т.д. В результате на референдуме, состоявшемся на бывших британских территориях Камеруна в 1961 г., большинство англофонов проголосовали за воссоединение с франкоязычной частью страны и против присоединения к Нигерии.

После 1961 г. положение нигерийцев в Камеруне заметно изменилось. С одной стороны, общее колониальное наследие, язык, племенные и родственные отношения способствовали сохранению тесных связей между многими камерунцами и представителями нигерийской диаспоры; с другой – на официальном уровне нигерийцы не только превратились в «иностранцев», но и были отстранены от многих видов трудовой и экономической деятельности, хотя поток мигрантов, прежде всего из перенаселенного, маргинализованного в социально-экономическом отношении и политически нестабильного нигерийского региона дельты Нигера, даже расширился. Активно занимаясь формальной и неформальной трансграничной торговлей, нигерийцы пользовались преимуществами существования различных денежных систем и благоприятного обменного курса между франком КФА и нигерийской найрой.

Однако резко сократились их экономические возможности: нигерийцы увольнялись с государственных и частных предприятий и с государственной службы; им было запрещено заниматься перекупкой какао и участвовать в оптовой торговле пальмовым маслом. Правда, они сохранили свои позиции в торговле другими продуктами и в рыболовстве, особенно на полуострове

Бакасси, бывшем до 2002 г. спорной территорией. В 2008 г. район был передан Камеруну, но нигерийцы по-прежнему составляют большую часть его населения и испытывают на себе все проблемы, связанные с ростом в Камеруне в 2010-е годы англофонного сепаратизма.

Греческие общины в Эфиопии и Танзании

Греческие общины в Африке известны с античности. Тогда они существовали в Северной Африке. Общеизвестна, в частности, династия Птолемея в Египте. Однако южнее греки появились позднее — в нынешнем Судане, Эфиопии, Кении, Танзании. Сначала их с местными обществами связывали торговые связи, с появлением христианства — прозелитская деятельность. На берегах Нила они оказали большое влияние на создание после распада Мероэ христианских политий в Нубии (IV – припл. XI-XIII вв.). По берегам Красного моря, бывшего главным торговым путем на Восток, с древности возникали греческие анклавы. История их мало изучена.

Сравнительно лучше африканистам известны греческие общины в Эфиопии и Танзании. В этих странах работали экспедиции Института Африки РАН и ИСАА МГУ (в Эфиопии – 1990-1993 и 2006 гг. и в Танзании – в 2003 и 2005 гг.).

История греков в Эфиопии насчитывает не одно тысячелетие, хотя община сложилась на рубеже XIX-XX вв. Первый этап – в первой половине I-го тысячелетия н.э. Тогда в Аксуме существовали тесные торговые связи с греческими торговцами, было принято христианство, многие знали греческий язык (это доказывает как эпиграфика и археологические находки, так и письменные памятники античности и раннего христианства). С IV в. н.э. помимо торговых возникают и духовные связи. Эфиопию посещали греческие церковные деятели, устраивали диспуты, кто-то оставался в стране. Самых греков было еще немного.

II этап связей – средневековье. Хроники часто упоминают о ремесленниках художниках, строителях, оружейниках. Особенно много их

появилось со времен создания Османской империи: они бежали от мусульманского владычества в христианскую страну.

Значительно увеличилось их число на рубеже XIX – XX вв. В работах путешественников этого времени можно найти их имена. Это можно считать третьим этапом. После распада Османской империи приток продолжался, это было уже не бегство, а, скорее, эмиграция. К 30-м годам XX в. практически оформилась община, был создан «Греко-эфиопский союз», построена церковь и школа (существуют и сегодня). Греки Эфиопии (большинство которых живет в Аддис-Абебе) поддерживают связи с родиной, сохраняют родной язык и веру.

Связи греков с жителями современной Танзании значительно моложе. Община начала формироваться к началу XX в. (в частности, о встречах с греками пишут российские путешественники в 1912-1914 гг.). Первыми были беженцы из Османской империи. Все греки Танзании – христиане. Сначала основное место жительства греков было в Аруше, где появилась и школа. Сейчас большинство их живет в Дар-эс-Саламе, построена церковь, которая стала местом притяжения всех христиан независимо от этнической принадлежности. Они не забывают свой родной язык, хотя после ликвидации национальных школ в Танзании учат его только дома. Греки сохраняют связи с Грецией и Кипром, по необходимости получают оттуда помощь (например, книги на греческом языке). Многие насчитывают 3–4 поколения жизни в Африке. Но основная масса греков здесь — люди старшего поколения, молодежь старается получить образование за пределами страны и не возвращается. Члены общины – состоятельные люди, торговая и интеллектуальная элита – сохраняют известную замкнутость. При этом они считают, что отношения с местными африканцами всегда хорошие, по словам наших респондентов, потому что «греки всегда вели себя мирно», в отличие от немцев, а затем англичан, которым последовательно принадлежала Танганьика.

Многие десятилетия представители греческой православной церкви вели миссионерскую деятельность. Сейчас уже и многие африканцы – ее приверженцы. Местные христианские общины управляются из Александрии, а центр христиан Восточной Африки греческого толка находится в Найроби. Но эта проблема истории греческой церкви в Африке, как и изучение собственно греческой общины в Кении, еще ждет своего исследователя.

«Открытие» Африки Турецкой Республикой: студенческая миграция из стран Африки южнее Сахары (2013-2020 гг.)

В эпоху глобализации каждый год миллионы студентов стремятся получить высшее образование за рубежом, рассматривая его как шаг на пути к приобретению конкурентных знаний и возможностей самореализации. Проводящая в настоящее время активную внешнюю политику Турецкая Республика постепенно превращается в образовательный центр, притягивающий с каждым годом все больше количество иностранных студентов. В Турции, где с 2013 по 2020 гг. число иностранцев, получающих высшее образование, увеличилось более чем в два раза, в 2019-2020 учебном году обучались 172 тыс. иностранных студентов¹. При этом Анкара, начавшая в 2005 году официально реализовывать стратегию «открытости» в отношении Африки, большое внимание уделяет студентам из стран Африки южнее Сахары. Так, за последние пять лет число лиц из Черной Африки, получающих высшее образование в Турции, увеличилось в три раза и составило более 12 тыс. человек². Турецкие университеты (Карабюк и Кастамону) заключают меморандумы о сотрудничестве со все большим количеством африканских государств, внося весомый вклад в развитие гуманитарных связей Анкары и неарабской Африки³. Тем не менее, перед Турцией, стремящейся войти в число пяти самых привлекательных среди иностранцев стран для получения высшего образования и желающей обучать

¹ Anadolu Ajansı, 'Türkiye'deki uluslararası öğrenci sayısı 172 bine aştı'. URL:

<https://www.aa.com.tr/tr/egitim/turkiyedeki-uluslararasi-ogrenci-sayisi-172-bine-ulasti/1592552>

² Hürriyet, 'Afrikalıların yeni huzurlu adası TÜRKİYE!'. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/kelebek/hurriyet-pazar/afrikalilarin-yeni-huzurlu-adasi-turkiye-12-yil-once-futbolcu-olma-hayaliyle-geldi-artik-bir-tekstil-patronu-41073784>

³ Karabük Üniversitesi, 'Karabük Üniversitesi, Çad ile olan iş birliğini genişletiyor'. URL: <https://kulliye.karabuk.edu.tr/12368-2>

в своих университетах более 350 тыс. граждан иностранных государств, стоит ряд проблем в отношении африканских студентов⁴. Вернувшись спустя десятилетия относительного забвения на африканский континент Турецкая Республика должна разработать институты для обеспечения социальной и академической интеграции приезжающих из Африки студентов и, кроме того, обеспечить им экономическую помощь, активно развивая различные стипендиальные программы. Анкара не должна забывать и о наличии преграды в виде запрещенной в стране организации турецкого проповедника Фетхуллага Гюлена ФЕТО, которая продолжает вести активную антипропаганду на африканском континенте против официального правительства Анкары⁵.

⁴ UDEF, 'Cumhurbaşkanı Recep Tayyip Erdoğan: Hedefimiz, ülkemizdeki misafir öğrenci sayısını 350 bine çıkarmaktır'. URL: <https://www.undef.org.tr/tr/makaleler/detay/Cumhurbaşkanı-Recep-Tayyip-Erdogan-Hedefimiz-Ulkemizdeki-Misafir-Oğrenci-Sayısını-350-Bine-Çıkarmaktır-3193>

⁵ Anadolu Ajansı, 'FETÖ bağlantısı tespit edilen öğrencilerin bursları kesilecek'. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/feto-baglantisı-tespit-edilen-ogrencilerin-burslari-kesilecek/621359>

Халитова Асия Ренатовна, третий секретарь

Посольства России в Лаосе,

соискатель Института Африки РАН

khalitova100@gmail.com

New approaches for refugee policy in Uganda: from humanitarian response to long-term development

This paper focuses on the modern migration policy interventions implemented by the government and international stakeholders in Uganda.

At present, Uganda is the 4th top destination for the global forced migration flows after Turkey, Colombia and Pakistan. Thus in 2019 the country hosted 31 externally displaced people per 1000 Ugandan inhabitants with a total amount of its refugee population being 1,4 million ¹. The majority of them have originated from South Sudan, the DRC, Burundi and Somali, which are facing severe political and humanitarian crises.

Besides, since 1998 the Ugandan government has been implementing one of the most generous and effective asylum policies in the world, empowering refugees with the rights to employment, cultivating land and moving freely throughout the national territory, as well as granting them access to health-care and education. Due to such an integrated framework for refugee protection management Uganda became a pilot country for launching the UNHCR Comprehensive Refugee Response Framework adopted in 2016.

The paper is aimed at revealing new approaches to forced displacement regulation in Uganda, focusing on the specific role of international stakeholders, especially UNHCR, in its policy interventions. Correspondingly, Uganda's action plan might be defined in terms of its sustainable effect, emphasizing the shift of its refugee strategy from the humanitarian relief response to the long-term development.

¹ Global trends: forced displacement in 2019. UNHCR, 18 June 2020. Pp. 2, 25.

In this regard, in contrast to the mainstream approaches towards forced migration regulation, the Uganda model implies the presence of refugees in its national territory in the medium and long term as well as seeks their social and economic integration with host communities being the backbone of its migration policy.

Among the questions to be answered in this paper are the following: in which way does the refugee protection management in Uganda contribute to improving the self-reliance of refugees and people in a refugee-like situation? What is the refugees' impact on the country's economy and the livelihoods of the host communities? Might the Ugandan refugee management framework be considered as an example model in other host countries?

Калиниченко Людмила Николаевна, с.н.с.

Институт Африки РАН

kalinichenkolyudmila@mail.ru

Миграционная политика Маврикия на современном этапе

Население Маврикия исторически формировалось в результате нескольких волн притока иммигрантов и затем обоснования на данной территории их потомков. В дальнейшем экономические рецессии и изменение политической ситуации, в том числе после получения независимости в 1968 г., приводили к оттоку населения. Маврикийские диаспоры образовались в Австралии, Канаде, ЮАР, Великобритании и Франции. Отделение Международной организации по миграции (International Organisation for Migration, IOM) Маврикия с 2009 г. осуществляет Программу помощи по возвращению маврикийцев, в том числе из Великобритании, Польши, Ирландии, и их реинтеграции.

Основными принципами миграционной политики правительства Маврикия являются приверженность международным стандартам и соблюдение прав мигрантов. Так, негражданам страны, которые имеют работу и вид на жительство, предоставлен бесплатный доступ к базовым медицинским услугам, к программе социального страхования, которая гарантирует им предоставление пособия в случае инвалидности или потери работы, а их дети пользуются правом на получение образования. Мигранты, имеющие разрешение на работу в течение трех лет, могут обратиться за постоянным видом на жительство, а затем по истечении пятилетнего периода за получением маврикийского гражданства. Однако, конституция Маврикия позволяет принятие законов, которые дискриминируют неграждан страны согласно их статусу здоровья на основании угрозы общественной безопасности или дополнительной нагрузки на налогоплательщиков.

Маврикий активно сотрудничает с другими странами по проблемам миграции. В 2016 г. был подписан Меморандум о перемещении квалифицированных кадров между Маврикием, Малави, Мозамбиком, Сейшелами и Замбией. Правительство страны рассматривает циклические миграции как инструмент приобретения навыков за рубежом и перевода оттуда денежных средств. Соглашения о трудовой миграции подписаны с рядом стран, включая Китай, Катар, Францию, Италию, Канаду. В Маврикии для трудовых мигрантов существует возможность подачи заявления о работе в электронном виде. Уделяется также внимание увеличению вклада маврикийской диаспоры в развитие экономики страны. Тем не менее пока не выработаны подходы к управлению трудовой миграцией и не проводится на постоянной основе оценка влияния эмиграции на рынок труда.

Правительство Маврикия принимает участие в различных проектах по совершенствованию мер, касающихся региональной трудовой миграции. Например, приняты Региональный план действий по трудовой миграции стран-членов SADC, маврикийско-итальянская программа по регулированию циклической трудовой миграции маврикийских рабочих в Италию. При поддержке ИОМ организована информационная онлайн-служба для маврикийцев, выезжающих на работу за границу, и оказания им помощи для возвращения домой, предоставления им налоговых и таможенных льгот. Маврикий участвует в различных программах по предотвращению заболеваний трудовых мигрантов, работающих в странах Восточной, Южной Африки и Индийского океана. В 2014–2016 гг. Маврикий был одной из шести стран-участниц проекта по выработке подходов к адаптации миграционных процессов к изменениям климата и окружающей среды.

Миграционные процессы в Эфиопии: история и современность

Эфиопия находится в самом центре Африканского Рога — региона Африки, где миграционные потоки особенно активны вследствие непростой политической и социально-экономической обстановки в странах, находящихся в этой части континента, в последние несколько десятилетий остающейся «горячей зоной». Данный фактор поставил Эфиопию в центр пересечения разнонаправленных региональных миграционных потоков.

Начало активных миграционных потоков из Эфиопии и формирования эфиопской диаспоры приходится на период установления в стране режима военной диктатуры в 1974 г.: государство по политическим и экономическим причинам покинули миллионы граждан. После падения режима в 1991 г. часть эфиопов вернулась, однако отток населения продолжился во многом в связи с политикой этнического федерализма, в результате которой население в стране было разделено по этническим «линиям».

В настоящее время миграционная ситуация в Эфиопии оставляет желать лучшего. Широких масштабов достигает нелегальная миграция. Выходцы из Эфиопии представляют одну из наиболее активно мигрирующих групп в Африке. Среди действий, предпринимаемых правительством страны для сдерживания оттока населения, наибольший интерес представляют усилия, направленные на повышение уровня занятости молодежи; данная задача рассматривается руководством как одна из наиболее приоритетных. Координация совместных действий с иностранными государствами, принимающими наибольшее количество эфиопских мигрантов, также является важным направлением деятельности эфиопского правительства. Так, в результате борьбы с нелегальными экспатриантами, которую ведёт

Саудовская Аравия с 2017 г., по согласованию с Эфиопией обратно на родину были высланы тысячи эфиопских мигрантов.

Пандемия COVID-19 не могла не отразиться на миграционных процессах внутри страны и не обострить проблемы, связанные с ними. Например, ухудшение эпидемиологической обстановки в мире привело к усилению тенденции к массовому возвращению эфиопских мигрантов в Эфиопию. Так, по данным Международной организации по миграции (МОМ), с апреля по июнь 2020 г. в страну вернулись более 15 тыс. эфиопов. Об обострении миграционной ситуации в связи с пандемией не раз заявляли и международные организации, традиционно предпринимающие усилия по привлечению внимания мирового сообщества к проблеме международной миграции, в том числе эфиопских граждан.

Актуальность исследования обуславливается как отсутствием русскоязычной научной литературы по данной тематике, так и масштабом миграционной проблемы, которая имеет дестабилизирующее воздействие на обстановку в стране и регионе.

Гришина Нина Владимировна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

eestima8@yandex.ru

Некоторые аспекты миграции из африканских стран в ЮАР

В течение многих лет Южно-Африканская Республика является центром притяжения для легальных и нелегальных мигрантов из всех регионов континента. Главная причина миграций заключается в бедственном социально-экономическом положении большинства африканских стран, с одной стороны, и статусом ЮАР как наиболее развитого государства Африки – с другой.

Географически основные миграционные потоки направлены с запада и востока на юг. Миграционные потоки из стран Восточной Африки проходят через территории Малави и Мозамбика, граничащего с ЮАР; в них значительное число составляют выходцы из Сомали. Велик наплыв иностранцев и из соседних с ЮАР государств Юга континента: Свазиленда, Лесото, Зимбабве, Замбии. В структуре миграционных перемещений из западноафриканского региона лидируют Нигерия и Сенегал.

Основная масса мигрантов попадает на территорию ЮАР нелегально, законными способами переезда из страны проживания пользуются очень немногие.

Если пересекающие границу легально вливаются, как правило, в формальный сектор экономики, то нелегалы пополняют ряды работников неформального сектора. Со временем в структуре миграционных потоков присутствует все больше женщин, что свидетельствует об изменениях традиционных гендерных ролей в регионах их происхождения.

Значительное количество нелегальных мигрантов примыкают к местным криминальным структурам, зачастую организованным по

этническому признаку. В этой связи все более криминальными, помимо крупных городов, становятся приграничные северные регионы ЮАР.

Существующий на сегодняшний день приграничный контроль достаточно слаб, чтобы справиться с нарастающим потоком желающих оказаться в Южной Африке. Ситуация требует от правительства дополнительных мер по обеспечению пограничных контрольно-пропускных пунктов современной аппаратурой и профильными кадрами.

Скубко Юрий Сергеевич, к.э.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

yuskubko@yandex.ru

ЮАР: неконтролируемая трансграничная миграция «разгоняет» коронавирусную пандемию

Южная Африка, страна, наиболее сильно пострадавшая от пандемии COVID-19 на континенте (свыше полумиллиона зараженных на начало августа, или более 50% зарегистрированных больных в Африке), безуспешно пытается закрыть свои границы, стремясь сдержать распространение болезни. В отличие от тщательно управляемой миграционной системы в период правления белого меньшинства, иммиграционная политика ЮАР после апартеида характеризуется экспертами как «запутанная, непоследовательная, реактивная, оборонительная и лишенная видения».

Из мер, принятых в последнее время: установлен 40-километровый забор вдоль границы с Зимбабве в попытке удержать нелегальных иммигрантов, поскольку континент сталкивается с беспрецедентной по масштабу чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения. Видео и фотографии контрабандистов, плывущих через реку Лимпопо и несущих на себе ассортимент товаров, показывают, что на нелегальных контрольно-пропускных пунктах между двумя странами ничего не изменилось. Новый пограничный забор был быстро поврежден бандами контрабандистов, которые действуют вдоль границы, способствуя перемещению контрабанды между двумя странами.

Контрабандисты перевозят запрещенные южноафриканским локдауном сигареты и алкоголь в приграничный южноафриканский город Мусина и возвращаются с кукурузной мукой и другими основными товарами, которых в Зимбабве не хватает. Контрабандные товары перемещаются внутри страны на коммерческих грузовиках, которые освобождаются от введенных

локдауном ограничений. Банды используют запряженные ослими повозки и небольшие транспортные средства, чтобы перевезти свою контрабанду из многих незаконных пунктов пропуска вдоль реки Лимпопо в город Бейтбридж в Зимбабве.

Река Лимпопо, которая является частью границы между Зимбабве и Южной Африкой, является хорошо известным транзитным пунктом для нелегальных иммигрантов и контрабандистов, перемещающихся между двумя странами. Они подкупают солдат и полицейских, обслуживающих обе стороны границы.

Полиция считает, что контрабанда все еще процветает, несмотря на ограничения на поездки.

Есть опасения, что контрабанда приведет к трансграничным инфекциям и усилит вспышки коронавируса в обеих странах, а южноафриканские политики будут поднимать красный флаг. Главная оппозиционная партия Южной Африки, Демократический альянс, обвинила министра инфраструктуры страны Патрисию де Лилль в том, что она ставит под угрозу жизнь граждан, не вкладывая средства в безопасное ограждение границы.

ЧАСТЬ 2. ДОКЛАДЫ

Гусаров Владилен Иванович, академик РАН, д.г.н., в.н.с.

Институт Африки РАН

vladilen.gusarov@yandex.ru

Африканские мигранты в Европе – от Кротоне в Италии до Рованиеми в Финляндии

До начала 60-х годов истекшего XX в. большинство африканских стран находилось в колониальной зависимости от европейских метрополий. Поэтому перемещение африканцев по континенту считалось переездом их в другую колонию, а в Европу – поездкой в свою или соседнюю метрополию. Немаловажное значение имел фактор языка. После достижения независимости странами-колониями африканцы устремились в свои бывшие метрополии уже на правах мигрантов. Постепенно их число быстро нарастало.

Основную роль в приеме африканских легальных и нелегальных мигрантов играет Италия из-за своей географической близости к Африке. За нею следуют Испания и Греция. Большинство из мигрантов прибывает морем на побережья Калабрии и Сицилии, не имеет легального статуса и надеется получить его в специальных лагерях по приему беженцев и мигрантов.

Калабрия – самая южная провинция Италии, а лагерь в Кротоне – крупнейший в числе других, построенных здесь. Уже на подъезде к железнодорожному вокзалу Кротоне пассажиры из окон своих вагонов могут видеть группы африканцев, стремящихся попасть в поезда, отправляющиеся на север в сторону Милана. Определить по внешнему виду, попали эти африканцы прямо с побережья или высланы из лагерей по приему беженцев, невозможно.

В приводимой ниже таблице № 1 указано число мигрантов, прибывших в Италию морем в 2008-2017 гг., большинство из которых – африканцы.

Табл. 1. Численность мигрантов, прибывших в Италию морем в 2008-2017 гг.

Год	Прибывшие в Европу по Средиземному морю	Мигранты, высадившиеся в Италии	Доля от общего числа мигрантов, прибывших в Италию	Число поданных заявлений об убежище	Число заявлений об убежище, взятых на контроль
2008	59,00	36,951	62,6	31,723	23,175
2009	56,252	9,573	17,0	19,090	25,113
2010	9,654	4,406	45,6	12,121	14,042
2011	70,402	62,692	89,0	37,350	25,626
2012	22,439	13,267	59,1	17,352	29,969
2013	59,421	42,925	72,2	26,620	23,634
2014	216,054	170,100	78,7	64,886	36,330
2015	1,015,078	153,842	15,2	83,970	71,117
2016	362,753	181,436	50,0	123,600	91,102
2017	172,301	119,369	69,3	130,119	81,527

Источник: Demographic Research, 2018, Volume 39/36, Article 36, p. 968

До 2008 г. Италия принимала ежегодно в среднем 23 тыс. человек. В 2008 г. произошел скачок в прибытии мигрантов в Италию с пиком в 37 тыс. человек из-за конфликтов и голода в Нигерии, Эритрее и Сомали. В 2009 и 2010 гг. число мигрантов сократилось соответственно до 9573 и 4406 человек, прибывшим морем.

«Арабская весна» 2011 г. стала причиной резкого роста притока мигрантов, прибывших морем на итальянское побережье, до 63 тыс. человек в 2011 г.

Гуманитарный кризис стал причиной еще более резкого скачка до 170 тыс. человек в 2014 г. Большинство из них прибыло из Ливии. Возросшая нестабильность в Ливии снизила поток африканских мигрантов из Ливии до 153,8 тыс. человек в 2015 г.

Мигранты стали предпочитать балканский трафик, что привело к снижению средиземноморского в 2016 г. до 18,4 тыс. и до 119,4 тыс. человек в 2017 г. (там же).

В настоящее время в Италии существуют три типа лагерей по приему мигрантов и беженцев, финансируемых из разных источников. В Греции по состоянию на июнь 2020 г. в лагерях по приему беженцев и мигрантов содержалось около 50 тыс. человек. Ежегодно их поток увеличивается за счет прибытий из Сирии, Ирака, Ирана, Афганистана и в меньшей степени из Африки.

Но далеко не все африканские мигранты остаются в Италии. Многие стремятся уехать дальше, на север континента.

При этом следует учитывать, что в дальний путь в Европу отправляются не выходцы из беднейших слоев, а те, кто каким-то образом смог собрать средства на авиабилеты для себя и членов семьи, работая в основном в торговле или в сельском хозяйстве. Цена одного билета, например, из Турции в скандинавские страны, в последнее время составляет около 200 евро. Более состоятельным гражданам уезжать никуда не надо, поскольку им и так хорошо живется в своих странах. Они, как правило, имеют образование и стабильный доход.

В любом случае выходцы из стран Африки неизбежно несли и несут с собой в Европу нравы, обычаи, отношение к труду, жизненные уклады, мировосприятие и миропонимание из своих стран, с первых же шагов

пребывания в Европе неизбежно вступая в конфликт с местной окружающей их теперь действительностью.

Но принципиальные конфликты начинаются позже и перерастают в социальные, а затем и в криминальные. Мигранты, как правило, слабо владеют английским и совсем не владеют местными, например, скандинавскими языками. Это с неизбежностью порождает недопонимание и недоразумения бытового характера. Во-вторых, приезжающие имеют низкий уровень общего образования или не имеют его совсем. Поэтому сразу рассчитывать на какую-либо квалифицированную работу они не могут. Их уделом остается черновая подсобная работа либо торговая деятельность.

Из-за большого притока мигрантов в Швецию, например, арабский язык стал вторым по распространенности в этой стране. Он считается родным для более чем 200 тыс. человек. В Финляндии арабский язык стал в 2017 г. третьим по популярности после шведского – второго национального языка.

Вспоминается, как несколько лет тому назад в Марселе мы ехали из аэропорта в город на забронированном такси. Таксист был смуглый и курчавый. Я спросил его, из какой он страны прибыл во Францию. Он ответил, что из Алжира. Когда я перешел на арабский, таксист ответил, что по-арабски он уже не говорит. Его родители знают арабский, а сам он родился во Франции и по-арабски знает совсем немного.

О том, как организован производственный процесс на крупных промышленных, строительных, транспортных предприятиях, африканцы в своем большинстве даже не ведают и не могут в нем участвовать при любом раскладе.

Если первое поколение иммигрантов, опасаящихся быть выдворенными из страны, вело себя достаточно скромно, то стиль поведения второго поколения резко изменился в худшую сторону. Иммигрантская молодежь бедных районов европейских городов растет в атмосфере ценностного вакуума, утратив естественные связи со своей национальной

культурой и не обрета прочных связей с европейским обществом. Это объясняет ту исключительную легкость, с которой обитатели иммигрантских «гетто» втягиваются в местные преступные сети, а также то, почему именно они составляют основной процент заключенных большинства местных тюрем.

В пригородах крупных городов сформировались кварталы, отделенные от остального общества: «бедные коммуны», своего рода гетто, населенные преимущественно «новыми гражданами». По мере возрастания в таких кварталах количества выходцев из Африки его традиционно покидают этнические европейцы, в результате чего изолированные в своих этнонациональных общинах иммигранты утрачивают как возможность, так и потребность в самостоятельной интеграции. Районы, где доля выходцев из «третьих стран» преобладает, оказываются намного беднее других. В то время как, например, в Швеции в целом лишь 7% населения живет на социальные пособия, количество «льготников» среди иммигрантов в этих районах составляет более 30%. В некоторых группах, например, среди выходцев из Эритреи и Эфиопии, оно превышает 90%.

Опыт последних лет свидетельствует, что государства ЕС, острее других столкнувшиеся с проблемой увеличения числа мигрантов, демонстрируют рост правых и крайне правых настроений. Так, в Швеции на парламентских выборах 2014 г. третье место заняли ультраправые «Шведские демократы», улучшившие свой результат по сравнению с предыдущими выборами вдвое и ставшие второй по популярности партией страны.

Как и Швеция, соседняя Дания все больше испытывает нехватку квалифицированных специалистов, вызванную отмеченным старением населения. Но прибывающие в страну беженцы и мигранты, не имея необходимых знаний и навыков, не могут заместить возникшие пробелы. В лучшем случае они занимают те малопrestижные и малооплачиваемые места, на которых не соглашается работать подавляющее большинство

датчан. Так, до 80% работников ресторанного и гостиничного бизнеса обслуживания населения составляют мигранты. Более 30% мигрантов трудоустроены в сфере уборки, ЖКХ и бытового обслуживания¹.

Дания ужесточила свое миграционное законодательство, проинформировав об этом потенциальных переселенцев через несколько ливанских газет. Копенгаген объявил, что вдвое сокращает пособия, для получения постоянного статуса будет требовать знания датского языка, а также существенно усложнит процедуру оформления документов. Общая суть объявлений в ливанских газетах примерно такая: держитесь от Дании подальше, вам там не рады.

В настоящее время любой мигрант и другой иностранец может быть навсегда депортирован из Дании за любое правонарушение вне зависимости от наличия вида на жительство и даже недвижимости в стране. Если мигрант проживает в Дании менее девяти лет, то его могут депортировать из страны за любое преступление, предусматривающее наказание в виде шести месяцев тюремного заключения. Мигранты, находящиеся на территории Дании более 9 лет, могут быть высланы из страны за совершение тяжкого преступления против личности или в сфере незаконного оборота наркотиков.

А датские законодатели приняли закон о конфискации имущества, который позволяет властям изымать ценности стоимостью более 400 евро у приезжающих в страну мигрантов, чтобы частично покрыть расходы на содержание центров по размещению беженцев. Они в срочном порядке приняли набор из 39 поправок к закону об иностранцах, проведя их через датский парламент.

Еще одной эффективной мерой по ограничению миграции стало требование обязательного знания датского языка от мигрантов, желающих поселиться в Дании. В совокупности эти новые законы и решения сформировали новый, более репрессивный подход к миграции. Все большую поддержку в Дании приобретает правая Народная партия, выступающая за

¹ Военное обозрение – Википедия – 2017-2018.

ограничение миграции и дальнейшее ужесточение миграционной политики. В настоящее время Дания имеет одно из наибольших представительств праворадикальных партий в законодательных органах страны, что также влияет на направленность и содержание ее миграционной политики.

Во многом аналогичная ситуация в соседней Норвегии, хотя здесь она имеет и свои специфические черты и свою модель «социального государства». Благодаря одному из самых высоких уровней ВВП на душу населения в мире в Норвегии в последние годы отмечается очень высокая продолжительность жизни. В сочетании, как отмечалось на примере Швеции, с низкой рождаемостью эта ситуация ведет к быстрому сокращению доли трудящегося контингента населения. Это означает, что работающие члены общества, численность которых неуклонно сокращается, должны содержать все более возрастающие контингенты пенсионеров, детей и инвалидов. Выход был найден, как казалось, в привлечении иностранных трудовых мигрантов из самых разных стран, в том числе из Африки.

По данным на I квартал 2018 г., только сомалийская диаспора Норвегии составляла около 28 тыс. человек, что на 6 тыс. больше, чем в соседней Швеции, где проживает около 22 тыс. сомалийцев².

Одним из весьма показательных примеров отношения наиболее ксенофобской части норвежского общества к иммигрантам стало преступление в 2011 г. 32-летнего Андреаса Брейвика. Во многом идеи этого «норвежского террориста номер один» близки популистскому антимусульманскому течению среди сторонников Партии прогресса. У комплекса правительственных зданий в Осло он привел к действию мощное взрывное устройство, после чего открыл стрельбу на острове Утойя, в молодежном лагере – базе подготовки будущих лидеров правящей Норвежской рабочей партии, застрелив около 80 молодых человек, не все из которых были мусульманами.

² Военное обозрение – Википедия – 2017-2018.

Это преступление потрясло не только Норвегию, но стало известно далеко за пределами Скандинавии. Однако у части норвежцев оно встретило понимание главным образом потому, что мигранты из стран Азии и Африки не хотят интегрироваться в норвежское общество, стремятся к самоизоляции от местного населения. Также как в Швеции и Дании, они лишь углубляют самыми разными способами конфликт между привнесенными из своих стран материальными, культурными и идеологическими реалиями и местной, принявшей их и оказавшей им гостеприимство скандинавской действительностью.

Самой северной точкой Европы, в которой довелось видеть африканских мигрантов, был г. Рованиemi. Он является административным центром финской Лапландии и крупнейшим по территории городом Европы при населении 60 тыс. человек. Статус города Рованиemi получил в 1960 г. после включения в состав города близлежащих территорий. Традиционно считается, что Санта-Клаус (в Финляндии – Йоулупукки) живет в Рованиemi. А африканские эмигранты, как представляется, приезжают сюда не на ПМЖ, а для того, чтобы разузнать, какие возможности для африканцев могут быть в городе, где температура зимой иногда достигает $-45,3^{\circ}\text{C}$.

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания считать, что системные противоречия между афро-азиатскими реалиями, конкретными носителями которых являются беженцы и другие мигранты, и скандинавской действительностью, начиная с рубежа XX и XXI вв., не только не минимизируются, а наоборот возрастают, приобретая все новый размах и новые экстремистские формы, включая терроризм.

В этих условиях меры, предпринимаемые европейскими странами по ограничению наплыва беженцев и других мигрантов на свои территории, можно рассматривать как оборонно-защитные для сохранения своих цивилизаций, духовных и моральных ценностей и приоритетов.

Использованные источники:

1. Беженцы в Африке, М., 2004, 130 с.
2. Военное обозрение – Википедия – 2017-2018.
3. Волков А.М. Страны Северной Европы. Экономико-статистический справочник. М., 1986, с.19
4. Григорьев Б.И. Скандинавия с черного хода. М., 2002, с.430
5. Миграции в Африке. М., 1994, 192 с.
6. Путеводитель «Швеция». Стокгольм, 1990, 14 с.
7. Родионов В.Н. Дорогами Скандинавии. М., 1985, с.29
8. Сборник «В стране Гефион». Слово о Дании. М., 1990, 256 с.
9. Статья «В Норвегии самая качественная жизнь», газета «Коммерсант» 01.08.2009.
10. UNCTAD. Handbook of Statistics. 2016. United Nations, pp.341, 343, 347, 375
11. DW, Riga, 10.03.2018.

Маценко Ирина Борисовна, к.э.н, с.н.с.

Институт Африки РАН

ibmatsenko@gmail.com

Трудовая миграция и рынок труда в Африке

Миграционные процессы в Африке традиционно включают внутриконтинентальную трудовую миграцию, т.е. передвижение рабочей силы внутри одной страны, в рамках субрегиона или в пределах всего континента. Причины миграции многообразны, тем не менее доминирующим мотивом трудовой миграции остается экономический, а именно занятость и бедность населения. Несмотря на наличие колоссальных природных и людских ресурсов (около 17% всего населения планеты), Африка в целом резко отстает от общемирового уровня по основным социально-экономическим параметрам развития, определяющим уровень и качество жизни населения. Колоссальные масштабы безработицы, неформальной занятости и бедности среди работающих на континенте не имеют аналогов нигде в мире.

Так, в странах Африки южнее Сахары (АЮС) доля неформальной, а также незащищенной (или уязвимой) занятости (это самозанятые и неоплачиваемые работники семейных хозяйств) колеблется около 70% всей рабочей силы, что является самым высоким показателем в мире. Кроме того, в этом регионе самая высокая в мире доля «работающей бедноты», составляющая более 30% занятого населения (к работающим бедным здесь относятся занятые с доходом менее 1,90 долл. на человека в день).

Происходящий в Африке бурный демографический рост (2,6% в год) обуславливает, в свою очередь, быстрый рост трудоспособного населения (в возрасте от 15 до 64 лет), что еще более усложняет ситуацию на рынке труда и подталкивает африканцев к миграции. По прогнозам, к 2030 г. в Африке южнее Сахары будет проживать более четверти всей молодежи планеты, а

численность рабочей силы в целом возрастет на две трети (это больше, чем во всех странах мира, вместе взятых). В абсолютном выражении число африканцев в трудоспособном возрасте достигнет к 2035 г. 450 млн человек, а к 2050 г. – почти 800 млн, что будет эквивалентно 62% глобального прироста.

Хроническая бедность, безработица и неполная занятость вкупе с низкой оплатой труда вызывают исход африканцев в поисках лучшей жизни из привычной среды обитания. Единственный выход из критического материального состояния население видит в миграции – уходе из своей деревни в поселки и города собственной страны или за ее пределы.

Большинство мигрантов-африканцев перемещаются в пределах континента: в 2017 г., по последним данным ЮНКТАД, в Африке насчитывалось свыше 19 млн внутренних мигрантов (более половины всех мигрантов). При этом в отличие от Северной Африки, где на внутреннюю миграцию приходится всего 13% от общего числа мигрантов, в странах Африки южнее Сахары доля внутриафриканской миграции значительно выше (75%). В странах АЮС подавляющее число потенциальных мигрантов не имеют средств для официального переезда в отдаленные страны, особенно на другие континенты. Обстоятельства объективно выталкивают их преимущественно в соседние государства по принципу «из самых бедных стран в менее бедные». Наиболее динамичными субрегионами в плане внутренней миграции являются Западная и Восточная Африка, где количество мигрантов превышает 6 и 7 млн человек соответственно.

Наиболее массовым перемещением людей на континенте является постоянная или временная миграция жителей деревни в город. Сельско-городская миграция как отток в города т.н. избыточного сельского населения наблюдается во всех африканских странах, что вызвано неспособностью низкопродуктивного мелкого потребительского хозяйства большинства стран региона обеспечить продуктивную занятость постоянно растущего сельского трудоспособного населения.

Перебираясь в города, значительное число африканцев оседает прежде всего в неформальной сфере мелкой торговли и обслуживания (уличные торговцы, разносчики, чистильщики обуви, мойщики машин и т.п.), поскольку современный сектор (обрабатывающая промышленность и сфера услуг) в городах стран континента не в состоянии предоставить достаточные возможности продуктивной занятости для мигрантов из деревень. И хотя труд в условиях городской неформальной экономики отличается низким уровнем производительности, мизерными и нерегулярными заработками, а также отсутствием социальной защиты, для многих африканцев, мигрирующих в города в поисках работы, неформальный сектор, по существу, – единственный источник хоть какого-то занятия, приносящего доход.

Около 60% сельских мигрантов в Африке – лица трудоспособного возраста. Большинство мигрантов – мужчины, однако в последние годы все большее значение приобретает женская миграция на континенте (например, в таких странах, как Мозамбик, ДРК и Буркина Фасо, большинство мигрантов составляют женщины). По уровню грамотности, образования и профессиональной подготовки сельские мигранты уступают горожанам, что увеличивает армию ищущих работу.

В отличие от других регионов мира, страны Африки южнее Сахары стали более урбанистическими, но не более индустриальными. Города характеризуются разбухшим и неустойчивым неформальным сектором, ограниченными официальными возможностями трудоустройства (в современном секторе создается лишь 5–10% всего числа новых рабочих мест), массовой бедностью и пауперизацией. В результате в бóльшей степени, чем в каких-либо других регионах, африканцы перемещаются не только в города, но и из них и между сельскими районами как внутри национальных границ своих стран, так и за их пределами, направляясь главным образом в соседние государства.

Что касается межстрановой миграции на Африканском континенте, то ее масштабы и направления обусловлены существующим разрывом в уровнях и перспективах социально-экономического развития тех или иных стран. Так, основными странами-реципиентами трудовых ресурсов в рамках внутриафриканской миграции являются ЮАР, Кот-д'Ивуар, Уганда, Эфиопия, Нигерия и Кения. За ними следуют Буркина Фасо, Камерун, Танзания, Республика Конго, Гана и Руанда. Среди поставщиков дешевой рабочей силы в регионе – такие страны, как Бенин, Руанда, Бурунди, Мали, Нигер, Буркина Фасо, Того, Чад, ЦАР и Мавритания.

Главные миграционные коридоры в Африке южнее Сахары – Буркина Фасо – Кот-д'Ивуар (и обратно), Южный Судан – Уганда, Мозамбик – ЮАР, Судан – Южный Судан. Среди других значимых направлений миграции – Мали – Кот-д'Ивуар, Сьерра-Леоне – Гвинея, Бенин – Нигерия, ДРК – Республика Конго, Бурунди – Танзания, Зимбабве – ЮАР и Лесото – ЮАР.

Широкое распространение межстрановой трудовой миграции во всех субрегионах Африки диктуется, прежде всего, постоянным или временным (сезонным) спросом на дешевую, преимущественно неквалифицированную или полуквалифицированную рабочую силу в зонах высокотоварного сельского хозяйства, горнодобычи и строительства. Однако миграция на Африканском континенте не ограничивается только перемещением низкоквалифицированных и малообразованных работников. «Утечка мозгов», связанная с неудовлетворённостью образованной молодёжи условиями труда, заработной платой и профессиональным статусом в своей стране – не новая проблема для Африки: она началась еще в 1980-х гг. и с тех пор не прекращается. При этом доля мигрантов среди образованных людей (прежде всего врачей, медицинских сестер и инженеров) в АЮС выше, чем в других развивающихся странах. Отток образованных кадров из некоторых стран Африки (Ганы, Кении, Нигерии, Уганды и др.) происходит не только в развитые западные страны, но и в государства континента (ЮАР, Ботсвану, Намибию, Руанду, Танзанию, Гану). В целом утечка мозгов ведёт к

значительным экономическим и социальным потерям в странах происхождения, снижая их человеческий и производственный потенциал, необходимый для ускоренного и долгосрочного роста.

Прогнозируемый ускоренный рост трудоспособного населения, а также сохраняющийся большой разрыв в уровне доходов между странами АЮС и странами с развитой экономикой будут и впредь стимулировать рост международной миграции. Ожидается, что доля мигрантов из стран АЮС в общей численности населения стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) увеличится в шесть раз – с 0,4% в 2010 г. до 2,4% к 2050 г. (как за счет роста миграции из региона, так и замедления прироста населения в странах ОЭСР).

В целом миграционные процессы в Африке в последние десятилетия значительно ускорились не только в рамках отдельных стран и субрегионов, но и всего континента. По всей видимости, эти тенденции сохранятся и даже усилятся в ближайшей перспективе. Вместе с тем расширение миграционных потоков вызывает необходимость их более эффективного регулирования со стороны государства в интересах как стран-отправителей, так и принимающих стран. В этой связи в последнее время африканскими лидерами все большее значение придается регулированию и управлению трудовой миграцией как одному из важнейших факторов региональной интеграции и в будущем достижения Африканским союзом цели создания объединенной и единой Африки.

Гришина Нина Владимировна, к.и.н., с.н.с.

Институт Африки РАН

eestima8@yandex.ru

Некоторые аспекты миграции из африканских стран в ЮАР

Миграция как часть системы современных международных экономических отношений активно воздействует на внутреннюю жизнь многих стран Африки. По оценочным данным, в 2019 г. более 21 млн африканцев проживали в других государствах континента, в то время как в 2015 г. этот показатель составлял примерно 18,5 млн¹.

Среди причин, заставляющих людей покидать места проживания и коренным образом менять привычную жизнь, – бедственное социально-экономическое положение большинства населения африканских стран, вооруженные конфликты на политической и этнической почве, а также стихийные бедствия, засухи и связанные с ними неурожаи, падеж скота и нехватка продовольствия. Будучи государством с развитой экономикой и стабильной политической системой, Южно-Африканская Республика является центром притяжения легальных и нелегальных мигрантов из всех регионов континента.

В 2019 г. через территорию Зимбабве в ЮАР попали около 300 тыс. мигрантов, через Мозамбик – до 600 тыс. По оценочным данным, в 2020 г. на территории ЮАР с населением 58,8 млн человек находились более 4 млн мигрантов, в то время как в 2010 г. – 2 млн².

Основная их масса попадает на территорию ЮАР нелегально, законными способами переезда из страны проживания пользуются очень немногие. Но если легальная миграция происходит на основе оформления необходимой документации и в соответствии с международными

¹ World Migration Report 2020. Geneva, International Organization of Migration. P. 58.

² International Migration Report Highlights. 2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf

соглашениями, то нелегальную миграцию контролировать практически невозможно.

Большинство эмигрантов из стран Африки южнее Сахары имеют в лучшем случае начальное образование и не обладают даже азами какой-либо профессии или трудовых навыков. Эту масштабную группу, типичную для африканской миграции и состоящую преимущественно из мужчин молодого возраста, Организация экономического сотрудничества и развития объединяет аббревиатурой NEETS (no education, employment, training, skills).

Чтобы добраться до места назначения, многие пользуются услугами контрабандистов. Значительное количество мужчин-мигрантов традиционно находят работу на плантациях сельскохозяйственных культур, в горнодобывающей промышленности, а также в торговле и на транспорте, но, как правило, в теневом секторе экономики, поскольку подавляющее большинство находятся на территории ЮАР нелегально.

В последние десятилетия в миграционных потоках (в том числе маятниковой миграции) постепенно возрастает число женщин: если в 2000 г. среди мигрантов внутри континента их было 46,9%, то в 2017 – 47,1%³. Основной сферой приложения женского труда является неформальный сектор городского хозяйства, куда целенаправленно устремляется большинство мигранток и в рамках которого, как правило, проявляется их экономическая активность. Традиционно велико число женщин в неформальном секторе городского хозяйства ЮАР в качестве домашней прислуги и в торговле из соседних стран субрегиона – Лесото, Свазиленда, Мозамбика, Зимбабве, Ботсваны. Кроме того, на Юге Африки распространена неформальная трансграничная торговля. Так, женщины из Зимбабве, Мозамбика, Танзании, Замбии скупают продукты в ЮАР для перепродажи их на рынках своих стран. Южноафриканские приграничные

³ International Migration Report. United Nations, 2017. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017>

районы стали центром притяжения и для торговцев из более отдаленных стран – Сенегала, Мали, Сьерра-Леоне.

Наряду с неквалифицированной и малограмотной рабочей силой в общей массе африканских мигрантов выделяются дипломированные специалисты (например, в области финансов, информационных технологий, медицины), не удовлетворенные условиями труда, зарплатой и профессиональным статусом на родине. Так, происходит «утечка мозгов» в сферу здравоохранения Южной Африки, куда иммигрируют профессионалы высшего и среднего звеньев из Нигерии, Сенегала, Ганы, Кении, Уганды.

Переезд специалистов из африканских стран в ЮАР приобретает все большие масштабы. Эта страна-реципиент, обеспечивающая квалифицированные кадры комфортными условиями жизни, социальными услугами, сравнительно высокими доходами и перспективами профессионального роста, для многих образованных иммигрантов из государств Субсахарской Африки становится альтернативой развитым государствам Европы и Америки.

В то же время постоянный приток мигрантов, в массе своей необразованных, напористых и склонных к противоправным действиям, способствует закреплению за ЮАР сомнительной славы одного из самых криминальных государств мира.

Недостаточное противодействие нелегальной миграции, в частности, приводит к нарушению стабильности в принимающем обществе и к межнациональным распрям. Многие десятилетия незаконного переселения из других государств континента в ЮАР сопровождаются недовольством местных жителей, часто независимо от их расовой принадлежности. Граждане страны расценивают приезжих не только как угрозу своему материальному благополучию и конкурентов на рынке труда, но и как угрозу собственной безопасности. Эта позиция понятна с учетом того, что далеко не все приезжие имеют своей целью поиски работы.

В крупных экономических центрах, таких как Претория и Йоханнесбург, иностранцев значительно больше, чем в среднем по стране. Они соглашаются выполнять тяжелую, низкоквалифицированную работу за меньшие, нежели граждане ЮАР, деньги, и некоторые политические лидеры возлагают на мигрантов ответственность за экономическое неравенство и безработицу, уровень которой в июле 2019 г. превысил 28%⁴.

Обостряющаяся год от года проблема пребывания мигрантов на территории ЮАР вызывает острые дебаты в правительственных кругах. С особой неприязнью в своих обличительных речах лидеры ЮАР критикуют мигрантов из Нигерии, за которыми закрепился стереотип уличных торговцев наркотиками. С резкими ксенофобскими заявлениями, в частности, неоднократно выступал мэр Йоханнесбурга Герман Машаба. «Нелегальные иммигранты держат нашу страну в заложниках, и я буду бороться с этим до последнего», – обещал он в 2017 году⁵.

Одной из распространенных мер властей в отношении иностранной рабочей силы являются регулярные массовые депортации рабочих, не имеющих необходимых документов для пребывания на территории страны. Одним из наиболее массовых мероприятий такого рода стала депортация 200 тыс. зимбабвийцев в 2006 г.; ежегодно депортируются десятки тысяч мозамбикцев⁶. В мае 2020 г. более 900 нелегальных мигрантов были депортированы в Мозамбик, Зимбабве и Лесото из Центра репатриации нелегальных мигрантов Линдела в провинции Гаутенг⁷. Властями ЮАР приняты дополнительные меры к охране государственных границ с соседними африканскими государствами, а также усилению миграционного

⁴ ЮАР. Уровень безработицы. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/South-Africa/Unemployment_rate/

⁵ *Закиянов Д.* Кровавая «афрофобия»: почему в ЮАР живьем сжигают нигерийцев? Волну нападений на чернокожих иммигрантов в ЮАР называют «генеральной репетицией» гражданской войны против белых. URL: <https://mind.ua/ru/publications/20201703-krovavaya-afrofobiya-pochemu-v-yuar-zhivem-szhigayut-nigerijcev>

⁶ *Шубин Г.В.* Африканские варианты. Проблемы развития демократической Южной Африки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 96–105.

⁷ ЮАР депортировала 900 нелегальных мигрантов. URL: <https://dnr-hotline.ru/20200512-juar-deportirovala-900-nelegalnyh-migrantov.html>

контроля на территории страны. Только в 2017 г. штат миграционной полиции был увеличен почти на 20%⁸.

Но, несмотря на это, существующий на сегодняшний день приграничный контроль достаточно слаб, чтобы справиться с нарастающим потоком желающих оказаться в Южной Африке. Ситуация требует от правительства дополнительных мер по обеспечению пограничных контрольно-пропускных пунктов современной аппаратурой и профильными кадрами.

Принимаемые меры никоим образом не уменьшают количества находящихся на территории ЮАР нелегалов, поскольку прибывает их гораздо больше, чем высылается из страны. Организованная трудовая миграция не имеет широкого распространения и не может решить весь комплекс миграционных проблем. Для Южной Африки характерна именно стихийная, неконтролируемая, нелегальная трудовая миграция.

Таким образом, миграционная проблема – в ряду приоритетных не только для стран Старого Света, куда уже несколько десятилетий направлены основные потоки мигрантов, но и для сегодняшней ЮАР.

⁸ Незаконная миграция: ответственность за организацию, способы передвижения. URL: <https://ozakone.com/pravovye-voprosy-migratsii/immigratsiya-za-rubezh/organizaciya-nezakonnoy-migracii.html>